

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

КРАСНАЯ ОМЕГА

Часть первая. Таёжная жуть

Александр Брыксенков

**Красная омега. Часть
первая. Таёжная жуть**

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Красная омега. Часть первая. Таёжная жуть / А. Брыксенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962495-6

В глухом углу Затихвинья, в затерянной в дебрях Вепсского леса деревушке переживают лихие девяностые несколько ленинградских семей. Возделывают огороды, собирают грибы и ягоды, рыбачат и не подозревают, что район их деревни является особой, таинственной зоной. Проявления этой таинственности в виде приведений, духов, домовых, призраков они ощущают. Но причина этой таинственности им не ясна. И только постепенно, благодаря бывшему армейскому разведчику, завеса тайны приоткрывается... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962495-6

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ТАМ, ГДЕ ЖИЛИ БЕРЕНДЕИ	7
ДОРОГА В КАМАРЫ	13
.	16
КОМАРОТЕРАПИЯ ПО ИРКУТСКОМУ	19
МЕДВЕДИ РЯДОМ!	22
КОЕ-ЧТО О СОНЕ	25
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД	28
ТРАВЫ	32
ГЛАВА ВТОРАЯ	34
НЕЖИТЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ	35
ПРИЛИЧНЫЙ «ХОЗЯИН»	36
НЕПРАВИЛЬНАЯ ИЗБА	41
ХОХЛЫ-ЛЕСОРУБЫ	44
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	48
ФЛОТСКИЙ МОТИВ	50
ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Красная омега

Часть первая. Таёжная жуть

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-2495-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-2496-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двуглавый комар! Чудеса!!!

«Города нужно строить в деревне —
там воздух чище.»

Один англичанин

ТАМ, ГДЕ ЖИЛИ БЕРЕНДЕИ

Коренной ленинградец Дима Крюков, потомок известного в прошлом петербургского каналоустроителя Семена Крюкова, обзавелся в тихвинской глубинке недвижимостью. По такому случаю в Диминой квартире на Сантьяго-де-Куба подряд два выходных со вкусом употребляли водку.

Сантьяго-де-Куба – это не город и не остров, а скромная улочка в одном из спальных районов Ленинграда. Первоначально-то она называлась не Сантьяго-де-Кубовской, а Больничной, по примыкавшему к ней крупному лечебному центру. Народу такой, скажем прямо, хреновый топоним очень претил, и он, народ, попросил власти изменить название улицы.

Городские чиновники, а было это еще при социализме, живо отозвались на просьбу трудящихся, но, к оторопи просителей, вместо кого-либо привычного имени вроде Черненко, Шкирятов, Шверник и т.п., к улице было пришпандорено довольно экзотическое название, включавшее в себя имя Святого Иакова (исп. Santiago), одного из Христовых апостолов. Постепенно оторопь у людей прошла и взамен неё вызрела на непутевую часть сантьяговской публики. Надежда оказалась тщетной. Народ как предавался порокам, так и продолжал им предаваться. Особенно в этом деле отличались бывшие жители Ольгина и Лахты, переехавшие в город со своими гавкучими собаками, плодовитыми тараканами и кучей беспокойной ребятни. Но не только выходцы из пригородов демонстрировали наличие вредных привычек. Некоторые вполне приличные ленинградцы, например, Дима Крюков, тоже были не прочь приложиться к стопке другой

Прежде-то Дима не пил. Но тут приключились два характерных случая.

Первым случаем было то, что он женился на весёлой девушке, любительнице застолий. Ну, а если жена веселая, то и мужику не скучно. Верно же? В добавок к этому случаю приключился и второй: рядом с Сантьяго-де-Куба, на углу Луначарского и Культуры, соорудили под открытым небом большую «автопоилку», где за несколько монет, брошенных в щель любого из восьми автоматов, можно было получить кружку пива.

Пивной оазис выглядел неказисто. Его обжили какие-то потертые личности. Из зарослей желтой акации несло аммиаком. Осколки разбитых кружек хоустели под ногами. Над автоматами витал кислый запах пролитого пива. Тем не менее. Дима стал посещать этот источник дешевого алкоголя и постепенно пристрастился к пиву. А от пива до водки один шаг. Конечно, такой шаг Дима сделал. И правильно сделал, что сделал!

Когда в не очень далеком будущем приключится в стране тягучая Пертурбация, последовательно включившая в себя борьбу с привилегиями, демократизацию, шоковую терапию, ваучеризацию, либеризацию, дефолтизацию, реформацию, то люди от нервных перегрузок станут серийно помирать. Наибольшие потери понесут трезвенники: им будет нечем снимать напряжения. У пьющих же людей, даже при гнусной ядовитости стеклоочистителя, палёнки, рояля, образуется больше шансов пережить эту передрыгу. Переживет её и Дима, правда, не без утрат.

Но это будет еще не скоро. А пока что у Крюковых выпивали. Возбужденные кутилы, в том числе и Соня, жена новоявленного собственника, не только бражничали. Под бормотание телевизора они размышляли и шумно спорили, активно прикидывая, как лучше распорядиться

обретенным хозяйством. Хотя можно было бы и не напрягать извилины. Ведь не газовое же месторождение было куплено и даже не агропромышленный комплекс.

Димино приобретение являло собой всего лишь рядовую избу-развалюху, лишённую каких-либо подсобных пристроек. Разные там амбарчики, свинюшники, сараюшки давно сгнили, осели и заросли крапивой. Уцелел лишь старый рассадник, а может быть омшаник, кособокий, с трухлявыми углами, робко притулившийся к сухой березе.

В разговорах со знакомыми Дима свою ущербную хибару весомо именовал домом в деревне, а саму деревню представлял слушателям, как некое языческое, берендеево поселение, затерянное в почти священном лесу, где под вековыми соснами цветут купальные травы, а по мшистым тропам гуляют чуть ли не плюшевые звери.

Его красочные повествования о хороводах журавлей на деревенских лугах, о медвежатах, которые резвятся в виду деревни на другом берегу Черной речки, о баснословном изобилии грибов, ягод, орехов, целебных и пряных трав были настолько раздражающими, что к концу каждого такого живописательного сеанса в глазах слушателей начинала тлеть откровенно черная зависть, а на языке – вертеться злое ехидство:

– Кхе-кхе. Может там и капище есть?

– Не-е-ет. Капище отсутствует, – простодушно отвечал Дима, – но деревенские говорят, что за болотами, в глухих дебрях, встречаются ветхие навесы, под которыми стоят какие-то старые столбы. Наверное, тотемы. На некоторых из них вырезаны звериные морды.

– А, ты видел эти столбы?

– Не-е-е, ты что! Туда ходить нельзя. Местные предупреждают, что там «мертвый», заморочный лес. В нем живут «другие люди». Встреча с ними ничего хорошего не сулит

– Неужели иети?!

– Наверяд ли. Никто этих людей не видел. Охотники лишь иногда натыкались на крупные следы, похожие на человечьи...

Дима на секунду замолчал, а затем дополнял свой рассказ подробностями типа:

– А еще в пещерах по берегам Паши иногда находят странные культовые предметы.

– Золотые!?

– Ну откуда в болотах золото? Все амулеты каменные или костяные, но это нисколько не умаляет их историческую ценность, – солидно заключал рассказчик.

Следует отметить: Дима вообще был человеком солидным и все, что делал, делал основательно. Эту жилку он, скорее всего, воспринял от своего деятельного предка, активно помогавшего Петру I обустроить новую столицу. Кроме этой абстрактной жилки унаследовал Дима и одну реальную вещь – глиняную курительную трубку, которую, по семейным преданиям, подарил Семену Крюкову сам государь. Впечатляла трубка изображением ящерицы, ползущей

по мундштуку к чаше трубки. Дима очень ценил прародительский артефакт, дошедший до него сквозь времена и бедствия и бережно хранил его вместе с другими семейными реликвиями.

Итак, Дима был человеком солидным и основательным. Поэтому никого не удивило появление со временем в его лексиконе кондовых слов типа позем, укус, паскотина, отава и т. п. По всему было видно, что он собирался всерьез заняться освоением приобретенных им в глухом Затихвинье приусадебных пространств.

Данный факт мало кого всколыхнул, так как дело происходило в самом начале 90-х, когда наш паровоз, сойдя с рельс коммунистического строительства, ошалело молотил по шпалам в радостное рыночное будущее. Вагоны яростно дергались. Пассажиров трясло и жестко бросало из стороны в сторону. Тем не менее, главный Кочегар все подбрасывал и подбрасывал уголек в паровозную топку. Он был настолько убежден в способности локомотива самостоятельно вскочить на правильные рельсы и уверенно почухать в страну кисельных берегов, что публично пообещал лечь под поезд, если этого не случится в ближайшее время. Однако, не лег... Трепло!.. Хотя, что взять с бухарика?

Как ни странно, но такая суматошная тряска многим была наруку. По всей стране, даже вроде бы порядочные люди, не говоря уже о ловкачах и пройдохах, стали азартно и открыто заниматься приватизательством и надувательством, осуществлением финансовых планов и пирамидальных обманов, то есть, стали заниматься всем тем, что еще совсем недавно презрительно-настороженно называлось спекуляцией, извлечением нетрудовых доходов, незаконными валютными операциями и жестко каралось по всей справедливости гуманного советского Закона.

Деревня, где располагалась Диминая недвижимость, носила необычное наименование Камары, с ударением на втором *a*. У нас в стране много известных и даже знаменитых поселений. В пространственном промежутке между деревней Столбово под Тихвином, где был подписан в 1617 году мир со Швецией, и сибирским Шушенским, местом охотничьих развлечений В.И.Ленина, можно насчитать до сотни деревень, сел, станиц, названия которых о многом говорят просвещенной публике. Но наши Камары, к сожалению, в эту сотню не входят. В них ничего исторического не подписывалось, никто из великих мира сего их не посещал и, даже, легендарные советские полководцы, которые любили рождаться в сельской местности, появились на свет в других деревнях.

Итак, к данному моменту Камары в числе известных деревень не значатся, и широким массам о них ничего не известно. А, жаль! Потому, что это такое удивительное место, какого нет во всем Северо-Западном крае. Недаром один, безусловно, талантливый камарец, влюбленный в безмятежный мир Камар, поднапрягся и, преодолев вершину местной частушечной поэтики:

«Дед посеял десятину,
Хер повесил на осину...»

выдал следующие вирши:

«За розовой далью, в лесу у Черной речки
В черемухах тонет уютный уголок.

Живут там камарцы свободно и беспечно
Вдали от начальства и от больших дорог...»

Вирши понравились камарцам и они стали распевать их на мотив шлягера «За розовым морем». Вскоре эта попевка была объявлена песней-гимном Камар. Раз есть гимн, решили камарцы, то должны быть и геральдические атрибуты государственности. Мужчины, очевидно от нечего делть, срочно приступили к сочинению камарского герба.

Ель с белочкой, как символ Камар, была сходу отвергнута из-за наивности сюжета. Морду медведя тоже на одобрили: слишком серьезно. Было еще несколько предложений, но все они не прошли. Долго бы парились камарцы, не вступи в дело Александр Иванович, один из уважаемых камарских граждан. Он-то, в отличие от прочих, немного разбирался в геральдике. Он-то хорошо знал, что геральдика – дисциплина строгая, там тят-ляп не пройдет. В семидесятые годы этот солидный джентльмен имел некую, вроде бы мальчишескую, слабость. Он собирал значки с изображениями как старых, так и новых гербов российских городов. Но это была не слабость: Александр Иванович проводил сравнительный анализ новодельных и старинных геральдических знаков.

В те годы было модно придумывать, в пренебрежение к старым гербам, новые городские эмблемы. От незнания темы сочинители считали, что герб – то очень просто, а получалась ерунда. Проистекала эта ерунда не только из-за гербоведческой безграмотности составителей гербов. Невыразительность и однообразие гербовых рисунков в большей степени обуславливалось идеологической зашоренностью авторов. Если в городских гербах царского производства в качестве гербовых фигур использовалась масса разнообразных предметов, растений, живых и фантастических существ, то в большинстве новых гербов основными элементами становились колос и шестерня. Были варианты: если в городе воняло чем-либо химическим, в герб вводилась реторта, если город стоял у моря, то – якорь или корабль. Такая простота потешала нашего собирателя значков, так как он уже прочитал книжку «Геральдика и сфрагистика», и поэтому немного разбирался в правилах составления гербов.

И потешала его не шестерня, как таковая. Он знал, что геральдика не гнушалась и не гнушается знаками, символизирующими труд. Например, та же шестерня в виде большого, зубчатого колеса с пятью спицами является одним из основных элементов государственного герба Италии. В гербах некоторых государств иногда присутствуют и иные производственные эмблемы, но все они индивидуальны. У нас же как запустили шестеренку, так по всем городам. Нехорошо это!

«Конечно, Камарам-то разные промышленные атрибуты не к лицу, – подумал наш знаток геральдики. – Здесь нужно больший упор делать не на серпы и шестерни, а на фауну и флору. И подходить к этому вопросу следует с иронией».

С подачи Александра Ивановича в качестве геральдического животного безоговорочно был принят комар, как самое кровожадное существо камарской фауны. Его снабдили второй головой и поместили на щите травчатого цвета. Такое забавное изображение не являлось пародийным повторением царского орла. Это была всего лишь фиксация аномальной камарской реальности, в которой часто встречались и растения, и животные со странными отклонениями от нормы, в том числе и комары о двух головах. Некоторые камарцы, для оттенения местных нравов, предлагали изобразить символическое насекомое на фоне резного листа хмеля, но это

предложение было отвергнуто: герб должен быть лаконичным и выразительным, кроме того, лист хмеля легко спутать с кленовым листом.

В своих шести тонких лапках двуглавый комар цепко держал крупную клюквину. На данном фрукте составители герба остановились потому, что он был очень распространен в этой болотистой местности и служил источником дополнительного дохода как для камарцев, так и для жителей соседних населенных пунктов.

Когда начинался клюквенный сезон, деревни пустели: все жители ковшиками, мисками, специальными совками с зубьями в передней части шустро гребли на болотах клюкву. Нагребали так много, что иногда весь сбор было не унести. В этом случае удачливые сборщики зарывали часть клюквы в мох и забирали её второй ходкой. Наиболее алчные старатели начинали брать клюкву еще белобочкой в надежде, что она покраснеет. Если же ягода не желала краснеть, её подкрашивали в слабом растворе марганцовки. Собранную клюкву местные жители мешками продавали заготовителям.

Обеспечив себя гимном и гербом, жители Камар не последовали примеру некоторых малочисленных, но очень заносчивых народов и не стали обзаводиться Президентом. Они просто поручили самому старому гражданину Камар представлять камарцев при сношениях с внешним миром.

Александр Иванович был не только самым старым в деревне, но, по мнению односельчан, и самым умным, поскольку он имел ученую степень кандидата технических наук.

1.

До обоснования в Камарах этот остепененный старец работал старшим научным сотрудником во ВНИИкоммунмаше. Следует отметить, что в научных кругах Ленинграда данный славный институт был известен совсем под другим наименованием: в частных разговорах его иначе как ВНИИговно не называли. Такая милая фамильярность объяснялась не тем, что научные силы института были никудышными, и не тем, что продукция института была низкого качества. Абсолютно, нет! Объяснение лежало на поверхности: помимо разработки машин для уборки городских территорий, институт разрабатывал еще и машины для очистки канализационных труб и колодцев (илососы), а также вакуумные машины для удаления фекалий из выгребных ям и вывоза этих нечистот в места нейтрализации. Фу! Даже завоняло.

Камарцев всегда удивляло, как аккуратно и незаметно освобождал Александр Иванович свой сортир от содержимого. Буквально никто не видел, не слышал и не обонял ход этого процесса. А удивляться—то было нечему, просто жители деревни не знали, что наш ученый являлся крупным специалистом в этой специфической области. По дерьмовым вопросам у него брали консультации авиаконструкторы и судостроители, а однажды к нему обратились за помощью даже разработчики космического аппарата. И нечего хихикать! Вон НАСА на «сортирные» исследования потратило 25 млн. долларов. Наши же инженеры-ракетчики, благодаря кооперации с ВНИИкоммунмаш, уложились в очень скромную сумму.

Опираясь на доскональное знание своего предмета, Александр Иванович мог не только выдавать научно-технические рекомендации, но и делать прогнозы, даже социального характера. Так, когда по институту прокатывался очередной тревожный слух о возможном закрытии Коммунмаша, он благодушно изрекал:

– Коммунмаш кончится только тогда, когда трудящиеся какать перестанут.

Обычно предсказания Александра Ивановича сбывались. Однако с данным прогнозом вышла осечка. И в этом не было вины пророка. С точки зрения логики его умозаключение было безупречно. Но кто же мог предвидеть, что вскоре жизнь в стране станет полностью алогичной, что новым хозяевам страны наука (да и многое другое, например, такая чушь, как культура, образование, здравоохранение) будет не нужна. С наступлением этого периода, официально названного периодом реформ, ВНИИкоммунмаш прекратил свою деятельность. В этом деле он был не одинок. Тогда же дружно перестали функционировать или пришли в упадок почти все отраслевые научные центры и даже некоторые академические институты. Чтобы заработать на жизнь, молодые сотрудники этих институтов кинулись в так называемый бизнес, а талантливые ученые подались за границу. Там-то русские мозги были нужны!

Александр Иванович не был ни молодым, ни талантливым, поэтому он уехал в Камары, где два года тому назад им была куплена приличная изба с большим огородом. Там он уже дважды провел летние каникулы, каждый раз не переставая изумляться глухости, дикости и зеленой роскошности камарских пространств.

После того, как односельчане оказали ему честь представлять Камары во внешнем мире, он сразу же приступил к делу. По его инициативе было составлено, и подписано всеми жителями Камар, очень толковое заявление на имя волостного головы с просьбой произвести ремонт дороги, которая связывала Камары с шоссе

ДОРОГА В КАМАРЫ

Российская дорога – это вам не бетонно-скучный западный автобан. В России дорога – это живописная деталь пейзажа. С неё, с дороги, писались картины, например, «Владимирка», «Дорога во ржи», её упоминали в стихах: «Выхожу один я на дорогу...», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», её воспевали в песнях: «Эх! дороги...», «Русская дорога...», а уж как материли отечественные дороги – сказать невозможно.

Короче, о российских дорогах наворочено так много и такими уважаемыми людьми, что очередное обращение к данной теме – это даже не банальность, а неприличная пошлость. Поэтому мы не станем останавливаться на прелестях камарской дороги, а просто расскажем, как добраться до Камар.

На трассе Петербург – Вологда есть под Тихвином перекресток, в центре которого установлен на витых металлических конструкциях серебристый самолет-истребитель. Едущий в Камары должен здесь свернуть на Шугозерское шоссе.

Поездка по этому шоссе, хотя оно и не очень хорошо асфальтировано, вызывает приятные ощущения. Справа и слева к нему вплотную подступают величественные сосны, в перспективе стволов которых высятся темно-зеленые пирамидки можжевельника. Лесные озера освежают ландшафт таинственным блеском своих гладей. Симпатичные дорожки, выбегающие к шоссе, манят путника в лесную глушь.

За поселком Шугозеро, путешествующему в Камары следует сосредоточиться и не прозевать мостик через Черную речку, так как сразу же за этим мостиком нужно свернуть с шоссе на проселочную дорогу. Теперь до Камар остается рукой подать, всего-то 1,8 километра.

Именно на эту проселочную дорогу теплым июньским днем повернул красный «жигуленок». За рулем машины сидел Дима Крюков. Он вез свою жену Соню и детей, тринадцатилетнего Антона и семилетнюю Машку, знакомить с их новыми владениями.

Начальная часть камарской дороги была слегка прикрыта асфальтом, что очень понравилось приезжим, но уже через сто метров асфальтовое покрытие незаметно исчезло, проселок взбежал на пригорок, и здесь экипаж красного «жигуленка» получил первое, и как в дальнейшем окажется, не последнее за этот день потрясение. Дороги дальше не было!!!

Дороги не было, а вместо нее тянулась между деревьями вдрызг расквашенная глиняно-болотная полоса, которую вдоль рассекали две громадные колеи, наполненные водой. Было видно, что невдалеке эти колеи ныряли в большую лужу, скорее похожую на озерцо. Где-то колеи, наверное, выныривали из лужи, но с пригорка этого не было видно.

От потрясения первой отошла Соня, промолвив:

– Эта дорога не только непроезжая, но и непроходимая.

А Машка добавила:

– В ней можно утонуть!

Сониная характеристика дороги была ошибочной. По дороге могли проезжать трактора, и лесовозы. Дорогу успешно преодолевали и пешеходы, обутые в высокие резиновые сапоги, с надежным посохом в руке. Посох использовали как дополнительную опору на скользкой поверхности дороги, а также в качестве футштока, для замера глубины водных пространств, которые в некоторых местах полностью перекрывали путь.

А вот детское добавление о не умеющих плавать было справедливым. Это буквально год тому назад продемонстрировал местный бригадир Андрей Глебов. Он возвращался в Камары из гостей, да видать поскользнулся и упал в колею. Обнаружили его на следующее утро бездыханным. Он лежал в колее лицом вниз. Вода вокруг была сильно взбаламучена, на откосах колеи виднелись борозды от пальцев. По всему было видно, что бедняга пытался выплыть, но не смог.

Дима около минуты рассматривал сквозь лобовое стекло открывшуюся перед ним дикую дорожную картину, а затем, не рискуя испытывать судьбу, направил «жигуленок» налево, где просматривалась накатанная дорожка, и по ней выехал на уютную лесную полянку. Эту полянку камарцы называли «зеленым гаражом». Здесь все, приезжавшие в Камары, оставляли свои машины. Потому-то дорожка на полянку и была хорошо накатана.

Самолет на перекрестке. Трасса Петербург – Вологда

Весна. Проселок

2-

Дима остановил машину под ветвями высоченной осины. Открылись дверцы «жигуля», и новоиспеченные камарцы вступили на камарскую землю. Если бы их увидели давно испеченные камарцы, то удивленно развели бы руками. Одеты Крюковы были так, как если бы они приехали не в Камары, а на дачу, скажем, в Комарово или Репино. На женщинах были легкомысленные пестрые блузочки, джинсовые шорты и босоножки. Дима и Антон были одеты в спортивные брюки и безрукавки.

Мужчины повертели носами и сразу же отметили высокое качество воздуха. Дима, как водится в таких случаях, закурил. Женщины же с забавными восклицаниями стали рвать какие-то голубые цветочки и, как водится, нюхать их. И вот тут, совершенно неожиданно, Крюковы испытали второе потрясение.

Они, конечно, знали, что в лесах водятся комары, но то, что этих комаров может быть тьма, им стало известно только сейчас. Буквально через две минуты после выхода из машины каждый из Крюковых был окружен гудящим, жужжащим, пищащим роем кровожадных насекомых. Помимо вездесущей мошкары вокруг наивных дачников кружились рыжеватые слепни, серые оводы, какие-то мухи с дельтовидным оперением. Во всю мельтешили крохотные, наносящие болезненные укусы, мушки и комашки. Но больше всего в этом гудящем рое было комаров. Комаров было очень много!

На лице у Сони от укусов насекомых образовалась вздутость, похожая на оладью. У Машки стал заплывать левый глаз. Были забыты и цветочки и прекрасный воздух. Взрослые и дети кинулись к машине. Из её недр они вытаскивали разные куртки, плащи, свитера и все это на себя натягивали. Соня даже надела грязные Димины брюки, в которых он обычно залезал под машину

СЛОВО О МОСКИТАХ

Строго говоря, Дима мог бы все это предвидеть. Еще в марте по хорошему зимнику он приезжал в Камары, чтобы осмотреть покупаемую им избу. При знакомстве с жителями Камар Дима, как будущий аграрий, спросил одного аборигена, что лучше всего родится на камарской земле. Абориген не задумываясь ответил:

– Лучше всего у нас родится картоха, а еще – елки и комары.

Конечно, одной фразы, сказанной камарцем, недостаточно для обострения бдительности и осторожности. Но если бы Дима проявил любопытство и постарался узнать, что означает слово «камары», то бдительность и осторожность он бы обострил.

Затихвинье – это, прежде всего, дремучий и большущий Вепсский лес. Он тянется на восток от Лодейнопольского шоссе до Вологодской области. С юга лес ограничен дорогой Ганьково – Шугозеро – Харагеничи – Корвала. На его обширной территории практически нет больших поселений. Конечно, основной причиной такой необитаемости является изобилие гиблых болот, но не следует сбрасывать со счетов и дурную славу леса. Местного жителя никакими посулами не зманишь в дикие, необжитые лесные глубины. Там, по мнению старожилов, происходит что-то темное, там кто-то «другой» существует. Однако, возле леса-то жизнь теплилась.

Издавна по краям Вепсского леса, в редких деревеньках проживали вепсы. Это такой лесной народ угро-финского корня. Довольно многочисленный. Теперь-то вепсов стало мало, в пять раз меньше, чем в 37 году. Опустели многие деревни. Люди ушли кто в город, кто на север, а кто и вообще на погост. Вепсы ушли, а названия, которые они дали населенным пунктам, остались. Так вот, на языке вепсов слово «камары» означает «место, где много комаров». По-русски это будет звучать примерно как «комарятник». В этом названии чувствовался спокойный, сдержанный характер вепсов. Если бы современным камарцам предложили дать имя своей деревне, отражающее её основную особенность, то самым выдержанным названием было бы: «грёбанный угол, где охрененно много комарья». И такую экспрессивность камарцев можно понять.

Действительно, фиг его знает почему, но в отличие от других затихвинских мест, например, Шугозера или соседнего Макарьина, камарские окрестности были настоящей гнусовой прорвой. Очевидно, существовал какой-то загадочный фактор, неудержимо притягивавший сюда разную кровососущую дрянь.

Юрий Михеевич Перепрыгов, один из лучших камарских умов, однажды задумался. А задумываться он умел, поскольку только этим и занимался, работая в одном, как считали камарцы, очень секретном ящике. Продукция Юриного учреждения видать была настолько важной, что даже в период полной дистрофии военно-промышленного комплекса, перешедшего на изготовление кастрюль и мясорубок, его предприятие продолжало работать. Камарцы так считали потому, что Юра, в отличии от многих, регулярно и своевременно получал зарплату.

Итак, Юра задумался и резонно предположил, что комары существуют не только для того, чтобы изводить людей. Резон, по мнению Юры, обеспечивался мудростью матушки-природы. Почти каждое неприятное и даже вредное для человека природное проявление она снабдила еще и полезными свойствами. Здесь уместно вспомнить и кислоту муравьев, и опийный мак, и жала пчел, и змеиный яд, и, даже, радиацию. Основываясь на этом положении, Юра подумал, что и укусы комаров и слепней могут быть полезны. Вполне возможно, что они вылечивают какую-нибудь хворь. Но вот только не известно какую.

Если бы знать при каком заболевании жала комаров и другой кровососушей нечисти являются целебными, то можно было бы создать шикарный медицинский центр по лечению этого заболевания методом комаротерапии. Понятно, что лучшего места для создания такого центра, чем Камары, не сыскать.

То-то бы камарцы забогатели!

В Камарах любили застолья. Поводов для них в виде праздников и знаменательных событий было предостаточно. Характерно, что праздники скороспело учрежденные новой властью, такие как День Независимости (от кого независимы – не понятно), День Примирения (где Монтекки, где Капулетти – не ясно), в Камарах не привились. Зато камарцы традиционно, с удовольствием праздновали и День Победы, и 1 мая, и День Военно-морского флота. Не пренебрегали они и крупными православными праздниками. Кроме того, возлияниями с хорошей деревенской закуской отмечались многочисленные привальные, отвальные, начало цветения черемухи и т. д.

На одном из таких всекамарских сборищ и запустил Юра в массы, в виде застольной шутки, свою идею о комаротерапии. Идея нашла бурный отклик. Народ развеселился. Посыпались потешки, озорные предложения, сногшибательные прожекты. В конце концов, застолье решило не ждать того времени, когда ученые дотумкают, какое именно недомогание исцеляют комары, а самим произвольно назначить любую, желательно незаразную, болезнь. Дать рекламу и начать эту болезнь «лечить»

Разумеется, у человека, страдающего этим, назначенным камарцами недомоганием, состояние здоровья после курса комаротерапии не улучшится, но ведь и хуже не станет. Вон, коренных камарцев с младенчества поедом едят комариные полчища, и хоть бы что. Все они отличаются отменным здоровьем и живут долго.

– Итак, господа камарцы, – торжественным голосом начал Юра, – какую же хворобу мы выберем?

– Ра-ди-ку-лит! – раньше всех, четко по слогам проскандировала захмелевшая Ира, жена Юры Перепрыгова. Как говорится, у кого что болит... А болела иногда у Иры спина. Эта крупная женщина с большими блестящими глазами и крепкими, ярко накрашенными губами всегда привлекала внимание мужчин. Поэтому ей было противно, время от времени, сутулится и потирать рукой больное место. Но более важным было то, что радикулит доставлял ей неудобства и страдания при обязательном сопровождении мужа в его походах по лесам и болотам.

Необходимо отметить, что Юра Перепрыгов был заядлым лесовиком. Он называл себя мордвином и говорил, что страсть к лесу у него наследственная:

– Мы, мордва, завсегда лесом жили.

Юра не просто бродил по чащобам и топям, а занимался сбором природных даров. В лес он уходил рано утром, а к вечеру возвращался с полным рюкзаком. Главными объектами сбора были ягоды и грибы, но, в зависимости от сезона, в рюкзаке могли находиться почки деревьев, корни для поделок, кора, цветы, полезные травы, березовый сок, мед диких пчел, целебные корешки и корневища, личинки муравьев, чага, орехи, ивовые ветки для плетения корзин, торф, можжевеловые ягоды, тетеревиные или глухаринные яйца, лекарственные растения, какие-то мхи и лишайники, живица, березовый кап и много чего еще, подчас совершенно неожиданного.

Например, как вам нравится жаба в литровой банке? Юре жаба нравилась. Он приносил её домой и выпускал на свой огород, так как знал, что данное земноводное уничтожает овощных вредителей. Юра вообще был очень знающим человеком и своими знаниями охотно делился с односельчанами. К слову, именно от него камарцы узнали, что можжевеловые ягоды вовсе и не ягоды, а шишки, на двадцать процентов состоящие из сахара и, что эти шишки покупают у нас англичане для производства своего знаменитого джина. После этого и камарские мужики стали настаивать водку на можжевеловых ягодах.

Непреодолимую тягу к лесу, которую проявлял Юра, нельзя было назвать ни хобби, ни увлечением, ни коньком – это была настоящая жизненная потребность. Как уже отмечалось, неизменной партнершей Юры в удовлетворении данной потребности была его жена. Конечно, Ира при своем радикулите могла бы и не тащиться за мужем в его любимые лесные глухомани, но из своего опыта супружеской жизни (а опыт у неё был большой: как никак Юра – это её третий муж) она извлекла следующую истину: «Если хочешь привязать к себе мужа, активно разделяй его увлечения». Вот и приходилось ей бурно восторгаться загадочностью болотных зыбей, умиляться очарованием пестрых от цветочного изобилия лесных полян, ахать от первозданной дикости приречных долин.

Объективности ради, следует сказать, что эти восторги не были лицемерны. Могучая красота зеленого царства, окружавшего Камары, неизменно покоряла любого горожанина, даже такого рафинированного, каким была Ирина Антоновна Перепрыгова.

Кроме предложенного Ирой радикулита, общество со смехом обсудило на предмет камаротерапии еще ряд заболеваний, после чего хмельной балаган на медицинскую тему начал потихоньку замирать. Однако, окончательно заглохнуть ему не дал Женя Иркутский.

КОМАРОТЕРАПИЯ ПО ИРКУТСКОМУ

В свое время Женя Иркутский служил в ракетных войсках. Его часть располагалась где-то в Восточной Сибири. Женя входил в расчет, который занимался транспортировкой ракетного топлива и заправкой его в баки ракет.

Иркутский – это была не фамилия, а прозвище Жени. Прозвали его так потому, что все свои рассказы он начинал одинаково: «Вот, когда я служил в Иркутске...». Было видно, что иркутский период был самым ярким в его жизни.

Первоначально Женя не участвовал в застольной медицинской беседе. Молча налегая на жидкие компоненты, он сидел за столом серьезный и сосредоточенный. Очевидным средоточением была его жена, которая недавно ушла от него и жила, как считали женщины, в Ленинграде с каким-то толстым коммерсантом.

После ряда стопок, несколько приглушивших раздражение по поводу измены жены, Женя стал прислушиваться к смеху и разговору сотрапезников. Поскольку этот кряжистый и сильный мужик был начисто лишен чувства юмора, то он пьяную застольную трепотню о комаротерапии принял за серьезный деловой разговор.

– Вам обязательно начистят морды! – неожиданно для всех выступил Женя.

– За что же, Женечка? – пропела Ира.

– Да, за обман.

Женя немного подумал и продолжил:

– Если уж и «лечить», то не телесную, а какую-нибудь душевную болезнь. Со стороны клиентов претензий будет меньше.

Ира прыснула:

– Нам здесь только психов не хватает!

– Зачем психов? Есть очень приличные заболевания. Например, эта... как её, импотенция, – предложил Женя.

Раздался смех, перешедший в хохот. Хотя названный недуг, вроде бы, не относился к психическим заболеваниям, предложение всем понравилось.

– Женечка, ты уже пробовал так лечиться? Ну, сознайся, сознайся, – приставали женщины. Буквально все знали, что жена покинула Иркутского исключительно из меркантильных, соображений, тем не менее, отдельные острословы стали по-мужски подначивать Иркутского. Но Женя знал, что все всё знают, и поэтому не обижался.

Вдоволь навеселившись, народ приступил к обсуждению Жениного предложения. В этом обсуждении принял участие и Александр Иванович. С высоты прожитых лет он дал скорее

социальную, чем физиологическую оценку такого явления, как импотенция. Отметив во вступлении актуальность поднятой темы, Александр Иванович заявил следующее:

– Если в стране на сто женщин приходится менее 215 детей, то это означает, что страна начинает вымирать. И чем ниже данный показатель, тем интенсивнее идет вымирание.

У нас в настоящее время значение указанного показателя равно 160, и по прогнозам специалистов будет еще меньше. Дело в том, что обнищавший в одночасье народ не желает обзаводиться детьми. Стабильная бедность населения, живущего в состоянии хронического стресса, не только косвенно, но и напрямую влияет на рождаемость, так как низкокалорийное питание в сочетании с психо-эмоциональным дискомфортом приводит к половой индифферентности мужчин...

Удивительно, что оратора никто не перебивал. Несмотря на скучный тон выступления, уместный на каком-нибудь занудном симпозиуме, камарцы с интересом внимали словам Александра Ивановича, который продолжал:

– Помимо указанных причин, в сексуальной холодности мужчин повинны и женщины.

– А, женщины-то тут причем? – не выдержала одна из слушательниц.

– А, при том! – съехал с академического тона выступающий. – Некоторые дамочки, насмотревшись эротических фильмов, начинают на ложе изображать этаких львиц. Мужики, конечно, стараются. Но они же не львы! Со временем у них появляется обеспокоенность, переходящая в потерю мужской уверенности. Если при этом женщиной будет сделано какое-либо насмешливое замечание, то и все: импотент готов.

Александр Иванович передохнул и завершил:

– Я глубоко убежден в том, что импотенция – это не болезнь, а тревожное состояние души. И если чем-то шоковым, возможно, в том числе, и нападением массы кровососущих насекомых, удастся отвлечь мужчину от тягостных мыслей о своей профнепригодности, то он вскоре снова обретет уверенность в себе. Для ускорения восстановительного процесса, желательно, в качестве катализатора, обильно использовать полновесные бифштексы, ростбифы и прочую мясную продукцию, щедро сдобренную острыми приправами. Ну, и кой-какие народные средства...

Утверждение Александра Ивановича о том, что импотенция – это не болезнь, тут же образно проиллюстрировал Женя, спонтанно рассказав очередную историю из серии: «Когда я служил в Иркутске...». Суть этой истории в трезвом изложении такова.

После военного конфликта на советско-китайской границе работы заправщикам заметно прибавилось. Все новые и новые ракеты устанавливались на дежурство. Компоненты топлива, заправляемые в ракеты, обладали отравляющими свойствами. И если окислитель был еще терпим, то горючее, по выражению Жени, являлось полной поганкой. По инструкции, работать с ядовитыми компонентами надлежало в спецкостюмах и противогазах. В условиях жаркого сибирского лета, людям, затянутым в резину, работать было невозможно. Поэтому вскоре операторы-заправщики стали снимать противогазы. И хотя уплотнительные устройства на заправочных шлангах отличались высоким качеством и надежностью, да и работать народ стремился

на наветренной стороне, все-таки гадкий запах компонентов обязательно витал над стартовой площадкой.

Руководил заправкой унылый майор. Он очень боялся отравиться и поэтому давал указания, находясь на приличном удалении от рабочей группы. Рядовым заправщикам это, конечно, не очень нравилось, и многие соображали, как бы заставить майора приблизиться к месту заправки.

При своей унылой внешности майор пытался казаться бодрячком. Так, например, по утрам он жизнерадостно приветствовал своих молодых подчиненных возгласом:

– Здорово, самцы! Как наша жизнь?

Последней фразой майор, как бы подчеркивал, что он тоже самец. На самом же деле, как всем в городке было известно, он таковым не являлся. Его жена в разговорах с подругами называла майора не иначе как «моё оно». А ранними утрами, когда майора не было дома (командировка, дежурство), из окна комнаты, которую они с женой занимали в офицерском общежитии, вылезал то один, то другой солдат.

На этом недостатке майора и решили сыграть. При очередном перекуре один из лейтенантов завел речь о том, что после вдыхания паров компонентов у него резко повышается половая активность. Другой его поддержал. Третий стал красочно расписывать сексуальные подвиги, которые он совершает после работы с ракетным топливом. Через некоторое время все заметили, что майор начал все ближе и ближе подходить к месту заправки. А затем и вовсе стал работать вместе со всеми. При этом его унылость, как ветром сдуло.

А из окна майорши солдаты больше не вылезали.

Камарцы поаплодировали Иркутскому за его милую побрехушку, и затем приняли решение: временно, до принятия Думой закона о земле, прекратить обсуждение возможностей создания в окрестностях Камар комаротерапевтического центра.

МЕДВЕДИ РЯДОМ!

А четверка Крюковых, энергично отмахиваясь от комаров березовыми ветками, упорно перемещалась по скользкой дороге в сторону Камар. Соня уже шла босиком, так как ей надоело вытаскивать из липкой глины свои босоножки. Хотела идти без босоножек и Машка, но ей не разрешили. Земля была еще холодной, и дитё могло простудиться. Чтобы Машка не вязла в грязи, папа вознес её к себе на плечи.

Упоительной свежестью тянуло из обступавшего дорогу влажного леса. В бочагах плавали похожие на калы белые цветы. Под ними резвилась лягушачья молодежь. Нежная зелень живописными пятнами разнообразила темную еловую основу леса. На опушках цвела рябина.

Все, что видели Крюковы, и волны каких-то бледных цветов, и стайки шустрых пичужек, и открывающиеся в прогалинах леса таинственные дали, все их радовало и волновало. Но главное волнение, а вернее третье за этот день потрясение ждало их за очередным поворотом, на полпути до Камар. Они вдруг увидели, что слева от дороги, в обрамлении молодой травки, возвышалась большая куча. Это был помет крупного животного. Как ни далеки были от сельской жизни Соня и Дима, но они сразу поняли, что перед ними не коровий и не конский помет. А отпечатки на мокрой глине громадных когтистых лап не оставляли никаких сомнений в том, что здесь совсем недавно прошел медведь. От леса потянуло враждебностью. Крюковы остановились, холодок тревоги коснулся их сердец.

– Можем быть вернемся? – неуверенно предложила Соня.

Дима замялся. Но обстановку разрядила Машка. Она приподнялась на папиных плечах, картинно выбросила руку вперед и звонко пропищала:

– Вперед, каналы!

Этот клич, позаимствованный Машкой из недавно просмотренного французского фильма, рассмешил взрослых. А там, где смех, там страха нет. Крюковы немного потоптались, стряхнули прилипшую к одежде грязь и продолжили свой путь. Шлёпая по лужам Дима спросил Соню:

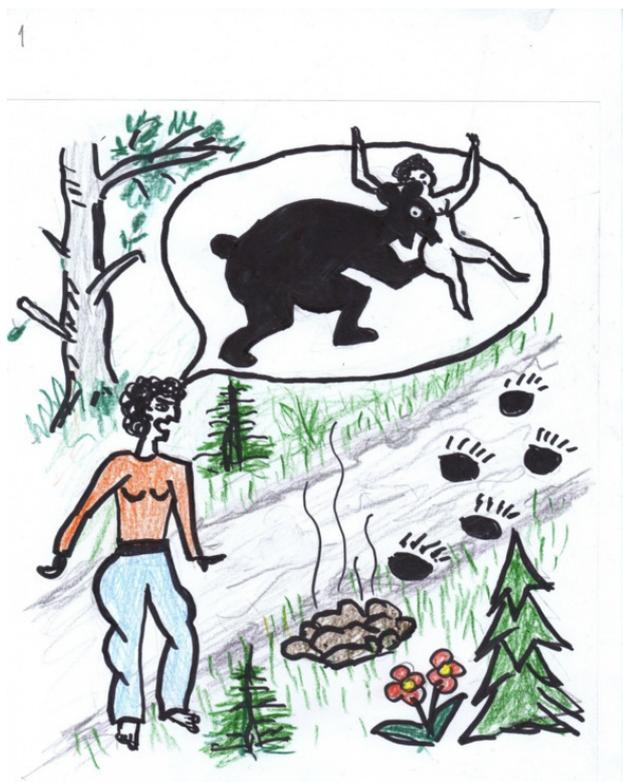
– И к чему нам все эти медведи, волки? Чего над ними экологи и прочие защитники природы уж так трясутся?

– Ну, как же! Братья наши меньшие.

– Вон в Германии этих братьев полностью ликвидировали. И ничего. Без хищников-то, поди, немцам даже лучше живется.

– Да, брось ты. С медведями веселее.

– Ага! Как встретишь в лесу такую зверину, так сразу веселья будет, как минимум, полные штаны.

У Сони заработало воображение

К любой длительно действующей опасности, даже если она первоначально и вызвала острую реакцию, человек постепенно привыкает. Привыкнув к необычному соседству с медведями и Крюковы. Процессу привыкания будут способствовать многие факторы, в том числе и патриархальное отношение камарских старожилов к косолапому. Суть этого отношения можно выразить простой формулой: «Ты его не трогай, и он тебя не тронет». Когда Крюковы познакомятся с Перепрыговыми, то одним из первых вопросов, заданных Соней лесовику Юре, будет:

– Юрий Михеевич, что нужно делать, если встретишь в лесу медведя?

На что Юра ответит:

– Это знают даже дети. Нужно «здравствуй» говорить.

Соня рассмеётся. Она воспримет ответ, как шутку. Однако в каждой шутке есть реальная подоплека. В деревне поговаривали, что Юра в лесу на пни молиться, что из любых дебрей его выводит «хозяин», что против зверя он знает слово. Скорее всего, сии утверждения – не больше, чем байки, но то, что Юра относился к лесу с некой языческой почтительностью – это точно. Известно, что, входя в лес, он наклонял голову и говорил

:
– Здравствуй, лесик. Это я. Как твое здоровье?

А, выходя из леса, он снова наклонял голову и благодарил:

– Спасибо, лесик, за всё! Я к тебе еще приду.

Наверное, он, так же как и все местные жители, верил в существование лесных духов и болотных духинь. Кроме Юры успокоение в души встревоженных новоселов внесет и их сосед, Николай Ромашкин. Он сообщит, что ни на его памяти, ни на памяти его отца не было случаев нападения медведя на человека. Хотя казусы случались. Вот, года три тому назад пошел за брусникой Семен-механизатор. С собой он взял небольшую, лохматую собачонку. Обычно все деревенские любую ягоду берут «до-упору», то есть не уходят из леса до тех пор, пока не заполнят ягодой взятую с собой емкость или пока не стемнеет.

Семен собирал бруснику в пятилитровое ведро и пересыпал собранную ягоду в рюкзак, где у него размещалась большая корзина. Он уже высыпал два ведерка, но для полноты счастья ему не хватало еще одного.

Семен порядочно устал, а тут еще стала мешать собачонка, которая сзади тыкалась ему в руку. Утомленный ягодник, не глядя, шлепнул собачонку по морде. Раздалось громкое верещание. Семен оглянулся и увидел орущего медвежонка. На крики детеныша из кустов выломилась разгневанная мамаша. Семен бросился бежать, оставив и ведро и рюкзак. От медведя не убежишь! Он чешет со скоростью 40—45 километров в час. Но на счастье ягодника медведица заинтересовалась рюкзаком и не стала преследовать обидчика.

Результатом этих и других бесед явится то, что Крюковы возьмут по отношению к медведям пренебрежительно-добродушный тон. Так болото «Медведь» они станут называть Мишкиным болотом. А, косолапого, который, увлекшись поеданием рябины, не уйдет на дневной отдых и будет загораживать собою тропинку к грибным местам, они начнут торопить ударами ножей о лукошки и громкими криками. Потом Крюковы часто будут вспоминать, как от такого шума медведь вскидывался на задние лапы, а затем, ловко перевернувшись через бок, улепетывал в лесную чашу.

Они со смехом будут фотографировать кучу переработанного овса, оставленную мишкой возле калитки их огорода, чтобы показать карточку ленинградским знакомым, не желавшим верить, что в Ленинградской области водятся медведи.

А, однажды один смельчак из окружения Крюковых вознамерится проявить даже агрессивные действия по отношению к хозяину леса. Но благоразумные друзья его своевременно остановят. И это с их стороны будет правильным шагом, потому, что медведи они и есть медведи, и относиться к ним нужно с опаской. Особенно следует остерегаться медведей-шатунов. В прошлую осень один такой шатун забрел в Шугозеро, на кладбище. Его привлекли оставленные на могилах в родительскую субботу конфеты, пряники, пирожки.

На кладбище было несколько человек. В одного из них и вцепился шатун. Находившаяся поблизости женщина не растерялась и врезала штыковой лопатой медведю меж глаз. Тот испугался и удрал. То-то была доука местным охотникам выследить шатуна, а затем и обезвредить его.

КОЕ-ЧТО О СОНЕ

Путь в 1,8 км. – небольшой путь. Но если путникам при преодолении его приходится постоянно балансировать на скользкой дороге и перепрыгивать через многочисленные лужи, то и короткий путь покажется длинным. Вот и Крюковы, спины которых взмокли от непривычной прогулки, с нетерпением всматривались в просветы впереди, ожидая увидеть, наконец, человеческое жильё. Конечно, если бы они шли налегке, то не так бы притомились. Но каждый из Крюковых что-нибудь да нес. У Антона в обеих руках было по сумке. В сумках находились разнообразные продукты от колбасы до постного масла. Дима, кроме Машки, тащил за спиной рюкзак, наполненный банками с мясными консервами и куриными тушками.

Самая важная ноша была у Сони. Она несла хлеб и бутылки со спиртным. Бутылок было много, так как Соня планировала устроить по прибытии в Камары «прописочку», на которую, с целью знакомства и налаживания контактов, предполагалось пригласить соседей.

Может быть, кто-нибудь другой и не стал бы тратить на угощение незнакомых людей, но только не Соня. Ей очень нравились различные междусобойчики, пирушки, складчины. Она всегда была окружена подругами и знакомыми, с которыми любила посидеть за рюмкой чая. За эту её склонность Анна Матвеевна, мама Димы Крюкова, называла Соню патологически общительной особой. Пожилую женщину можно было понять. Дочь популярного в свое время петербургского врача-акушера, она была довольно чопорной персоной и шумные хмельные сборища не одобряла.

Тягу к веселым компаниям Соня приобрела еще в юности.

Обычно еврейские папы и мамы очень серьезно относятся к выбору профессии для подрастающих детей. В прежние времена прагматичные родители направляли своих умных, отличавшихся абстрактным мышлением отпрысков в физики, математики, электронщики, в крайнем случае, в инженеры. Находчивых и языкастых чад определяли в журналисты, адвокаты, филологи, отчасти в медики. Остальным же, менее одаренным детям подбиралось ремесло, но такое, где не нужно поднимать тяжести и истекать седьмым потом. А зачем еврейским деткам, даже заторможенным, истекать каким-то там потом? Они, как и принято в еврейских семьях, имели достаточное образование и традиционно не нацеливались своими родителями на такие профессии как землекоп, лесоруб, нефтяник и т.п.? Обычно они учились на закройщиков, торговых работников, часовщиков, скрипачей, зубных техников, т.е. осваивали профессии, необходимые в сфере услуг.

Вот и Сонины родители посчитали, что их девочка в белом халате мастера женских причесок будет смотреться лучше, чем, например, в робе шпалоукладчицы. Они отдали её в производственно-техническое училище с парикмахерским уклоном.

Учебную группу, в которую попала Соня, в основном составляли девушки, причем, молодых было мало. Преобладали в группе зрелые девицы, среди которых было несколько девах, уже хорошо знавших, что почем в этой жизни. Неудивительно, что вскоре Соня стала подражать своим самостоятельным, старшим подругам.

Возможности для подражания резко возрасли, когда весь учебный курс выезжал на длительный срок в Лужский район для уборки картофеля и корнеплодов. В подшефном

совхозе девушки размещались в здании бывшей школы, которое находилось в глубине старого, запущенного парка, заложенного в свое время кем-то из Ганнибалов.

Соня до сих пор вспоминает этот графский парк, это фантастически красивое зеленое чудо над тихой речкой Оредеж. По вечерам в его сумеречных аллеях начинал клубиться туман. Громадные деревья таинственно темнели на фоне вечернего неба. Густые заросли сирени, окружавшие старую беседку, располагали к романтическим мечтам.

Однако будущим парикмахершам было не до романтики. Восьмичасовая работа в согнутом положении утомляла девушек. Вечером, возвратясь с поля, они с нетерпением ждали ухода на село надзиравшего за ними мастака (мастера) и двух мастачек, чтобы затем рухнуть на койки и блаженно вытянуть усталые члены.

Соня, непривычная к физическому труду, уставала безмерно. Но безмернее Сони изнурилась её подруга Таня, хрупкая, тонкая девочка из интеллигентской семьи. У Тани все было тонкое, и пальчики, и шея, и талия, толстой была только попа, за что сокурсницы кликали Таню Пуфиком. Хорошо еще, что Соня постоянно помогала своей подруге: то ведро поднести, то мешок передвинуть, то еще что.

Немного отлежавшись, девушки начинали соображать, как провести вечер. Поскольку в группе было всего четыре парня, то вариантов рассматривалось немного. Если в данный день местная дискотека не функционировала, то чаще всего звучало предложение:

– А, что, девки? Не устроить ли нам расслабуху?

Предложение принималось. На стол сыпались рублевки. В сельмаге приобреталось дешевое крепленое вино. И девчачий пир закипал.

Когда душеньки-подруженьки собираются в кружок, они начинают лирично ворковать о любви, но стоит им отведать российского портвейна, как лирика увядает, уступая место сексуальной прагматике. Соня, наострив ушки, жадно внимала разглагольствованиям бывалых товарок о том как быстрее всего возбудить парня, какие способы предохранения наиболее надежны, что делать, если месячные затянулись, а парень стал поглядывать на твою подружку. Казалось обмену опытом не будет конца. Перед наивной Соней открывался целый пласт познаний, более нужный и интересный, чем технология сооружения женских причесок.

Окончив ПТУ, Соня очень быстро приобрела репутацию классного мастера и обросла постоянной клиентурой. Случилось так, что одна из её клиенток трудилась в загородном ресторане, где руководила балетной группой. По достоинству оценив Сонину внешность, она уговорила ее поменять профессию парикмахера на роль танцовщицы.

Это действительно была роль, поскольку для очарования публики из всего арсенала балетной пластики нужно было освоить всего лишь два па: попеременное поднимание выпрямленных ног и вращательное движение бедер. Все остальные промежуточные перемещения, которые соединяли два указанных основных па, были просты и легко воспроизводимы. За короткий срок, усвоив несложные рисунки балетных сцен, Соня начала выходить на подиум, где с удовольствием демонстрировала гостям свою прелестную фигуру.

Новая работа Соне нравилась, тем более, что после трудового вечера для работников ресторана устраивался легкий ужин с подачей вина. Танцевала Соня около двух лет, а потом

начала полнеть. Процесс округления Сониных форм невозможно было остановить ни диетой, ни модными таблетками для похудения. Пришлось ей оставить веселую работу и вновь стать за парикмахерское кресло, сохранив при этом навыки непринужденного, легкого общения с людьми.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

А июньское солнце припекало все сильнее, а ноша становилась все тяжелее. Но вот лес расступился, и сквозь заросли ракитника увидели Крюковы камарские избы. Пройдя маленькое поле, они, наконец, вступили в деревню, которая имела не только название странное, но и расположена была необычно. Вместо традиционной деревенской улицы, с размещенными вдоль неё избами, в центре Камар простиралась прямоугольная площадь размерами 300x350 м., по периметру которой, лицом к центру площади, стояли избы. Площадь буйно заросла дикими травами, меж которыми желтели цветы, похожие на одуванчики.

До войны на площади стояли качели и «гигантские шаги». На специальных площадках парни играли в рюхи, подростки – в лапту, а мелюзга гоняла «чижа». По праздникам на площади гуляли и водили кадриль.

Во время войны, по распоряжению председателя колхоза, площадь распахали, и на ней бабы, каждая для своей семьи, сажали картошку. Это был необходимый шаг потому, что лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» был не просто призывом, а приказом Верховного главнокомандующего. А потому все, что выращивалось на колхозных полях и производилось на фермах, полностью сдавалось государству. Колхозники за свои трудодни, практически, ничего не получали..

Чтобы поддержать измученных баб и их детишек, в конце осени по распоряжению председателя колхоза закалывалась пара бракованных баранов. По всей форме составлялись необходимые акты и бараны списывались на волков.

После войны площадь перестали распахивать, но и качели на ней больше не возводили. Причина была в том, что деревня начала пустеть. Помимо войны, Камары, как и тысячи других деревень, подкосила политика укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных деревень. По мнению чиновников Камары были типичной неперспективной деревней. И посевных площадей вокруг неё было мало. И находилась деревня на отшибе. До ближайшего населенного пункта, каким являлась деревня Макарьино, было около 6 километров.

Кроме того, в Камары вливалась только одна дорога, с юга, а не выходило ни одной, то есть, деревня была тупиковой. Севернее Камар простиралась сплошная тайга.

Но то, что чиновникам казалось минусом, для горожан, которые покупали избы у уезжающих в другие места камарцев, являлось плюсом. Это же здорово, что через деревню (из-за её тупиковости) не проезжали ни машины, ни тракторы, ни мотоциклы! Вместо рева моторов слух камарцев ласкали птичьи трели, воркотня лягушек да густое гудение толстобрюхих шмелей. Жить бы и жить в этой аркадии до скончания века, но, увы...

Уж очень коротка человеческая жизнь. Камарцы стали предметно осознавать эту истину тогда, когда начали одна за другой помирать еще не очень-то и старые колхозные старухи (старушки-то уже давно отмаялись). Это очень грустный процесс. Но, поскольку жители Камар были людьми простыми, то и относились они к этому процессу просто: все там будем.

Однако, далеко не все так легко, как простодушные камарцы, смиряются с неизбежностью смерти. Наиболее остро, даже болезненно, воспринимают эту истину успешные, вернее

ухватистые субъекты, которые в девяностых годах и позже ажиотажно переселялись из скромных советских квартир во впечатляющие особняки, дома с башенками, а некоторые – во дворцы и замки.

Затратив много времени и средств, как на насыщение приобретенных апартаментов антиквариатом, дорогой мебелью, картинами и прочими олигархическими необходимостями, так и на покупку шикарных авто, снегоходов, яхт, самолетов, а также на обустройства своих владений парками, бассейнами, оранжереями, эти люди вдруг обнаруживали, что жизнь на исходе, что дворцы в гроб не помещаются, что даже хваленая западная медицина бессильна перед смертью, а, обнаружив, начинали тихо паниковать и, попутно, поносить эту бессильную медицину.

А поносили зря, так как богатеи, относительно последнего положения о бессилии медицины, были очень даже не в теме. Они просто не знали, что, в отличии от хваленой западной медицины, советская медицина имела в области продления человеческой жизни значительные, даже феноменальные наработки. И, наверное, очень хорошо, что не знали. Иначе, за громадные деньги богатеи добрались бы до этих наработок и обессмертились бы.

Ужас! Представьте: Россию накрыла бессмертная олигархическая опухоль. и все! и светит Матушке полный, как говорят американцы, пердишен. Можно, конечно, выразиться и по-русски, это будет более точно, но нецензурно.

Вопрос: откуда у советской медицины такие феноменальные наработки? А было так! В конце сороковых товарищ Сталин озадачил ученых-медиков фантастической проблемой. Им было предложено разработать методики, с помощью которых можно было бы увеличить продолжительность человеческой жизни в два-три раза. И пекся Иосиф Виссарионович не о себе великом и не о свих верных соратниках. Нет, нет и нет! В своей мудрой прозорливости заботился он о будущности России и её народа.

Советская медицина не обманула надежд вождя. Неимоверными усилиями трех научно-исследовательских институтов соответствующие методики были созданы.

Однако, это эпохальное достижение отечественной науки не получило широкого распространения. Работы медиков были засекречены, а сами ученые в процессе борьбы с космополитизмом подверглись шельмованию, а затем их смял каток под названием «дело врачей». И сейчас, где-то в сов. секретных папках ФСБ, все еще хранятся их бесценные разработки. Хранятся без пользы. И это в то время, когда наши российские нувориши так сильно хотят значительно продлить свои драгоценные жизни

Правда, не только разные там олигархи этого хотят.

Болото "Медведь"

Вид на западную сторону Камар

4.

Желание подольше пожить испытывают многие вменяемые дюди. Но разве в городе долго проживешь? И пицца – дрянь, и вода – гадость, и воздух – не воздух, а смесь азота, пыли и бензинового смрада с небольшим добавлением кислорода. И никакие экологически чистые продукты, расфасованная вода, воздушные и водяные фильтры здесь не помогут. Город, он и есть город – нездоровая среда, где не очень здоровые люди ведут очень нездоровый образ жизни. То ли дело Камары!

Вместо пыли и бензинового смрада с наслаждением вдыхали камарцы нечто похожее на парфюмерию. В деревню, окруженную со всех сторон лесами и болотами, ветер приносил лишь свежие запахи хвои и трав. Когда же по весне цвела черемуха и начинали белеть плантации ландыша, воздух был такой благоуханный, что местная полеводка, тетка Дарья, зажмурилась

глаза и говорила:

– — Так может пахнуть только в раю!

Очень важно, что в этот чудный букет запахов не вплетался неизбежный для любой деревни аромат навоза. Скотный двор в Камарах был давно ликвидирован, а в частном пользовании находились всего лишь две коровы. ь

Камарцы не только дышали отменным воздухом, но и пили уникально чистую воду. А это так здорово! Для хозяйственных нужд воду брали из колодца. Колодезная вода была холодной и вкусной, но сельчане привередничали и для питья, для приготовления пищи использовали лишь родниковую воду.

Из-под кряжа, нависшего над Черной речкой, били ключики. Чуть ниже самого крупного из них еще в давние времена вырыли мужики водоёмчик и обложили его диким камнем. Вот из этого-то водоёмчика и черпала вся деревня живительную влагу. Вода была настолько прозрачная, что бидон, наполненный ею, казался пустым, и только легкая голубизна намекала на нечто в нем находящееся. Любой человек, впервые пробовавший эту воду, неизменно отмечал, что более вкусной воды он никогда не пивал.

В начале 90-х годов в Камары прибыла передвижная буровая установка. В то время геологи по всему району искали залежи каолина, который требовался Тихвинскому фарфоровому заводу, выпускавшему электрические изоляторы. В Камарах, к радости жителей, каолина не нашли, но зато геологи сделали интересное открытие. Оказалось, что в надречном кряже, поросшем большущими елями, под мощным слоем песка и глины покоится крупная линза доисторического льда. И все ключики, бьющие из-под кряжа – есть реликтовая талая вода. Народ забеспокоился: как бы лед совсем не растаял. Но геологи заверили:

– Не волнуйтесь! Прежде, чем лед растает, пройдет не одна сотня лет.

Понятно, что при благоуханном воздухе и кристально чистой воде, вся огородная продукция, выращиваемая камарцами, была в экологическом плане безупречной. Тем более, что борьба с вредителями и болезнями овощных культур велась без использования химии. Для этих целей применялись различные травяные настои. Удобрялись огородные грядки исключительно компостом, который производили сами камарцы, сваливая в компостную яму выполотые сорняки, ботву овощей, скошенную траву и все жидкие и твердые отходы хозяйственной деятельности. Компост зрел два года. За этот период всё, сложенное в яму, перепревало и превращалось в однородную влажно-рассыпчатую массу темно-коричневого цвета.

Правда, бывали исключения. Как-то раз Николай Ромашкин купил толстый батон ярко-красной вареной колбасы, сварганенный местными предпринимателями. На вкус колбаса оказалась препротивной и Николай, не желая рисковать своим здоровьем, отправил её в компостную яму. Мол,

доброе будет удобрение

.

Через два года, раскапывая компост для внесения его в почву, Николай с удивлением обнаружил выброшенный им колбасный батон совершенно целым и невредимым. Только за два года колбаса из ярко-красной превратилась в ярко-синюю

– Из чего же тебя бедную сделали! – вслух удивился Николай, – не иначе,

Он с отвращением подцепил батон вилами и закинул его в бурьян. Еще долго из бурьяна тянуло какой-то гадостью.

Овощам компост очень нравился, а зелень от него просто дурела. Лук порей разрастался и принимал вид заморского растения, любисток вымахивал с небольшою пальму, бобы стояли, как джунглевые заросли. Камарские огороды дышали укропом и базиликом, а после дождя все пряные запахи перекрывала острая сельдерейная нота.

ТРАВЫ

К травам Александр Иванович относился с уважением. Благодаря им, и прежде всего крапиве, лебеду, щавелю они с мамой выжили в военную голодуху. В настоящее время, хотя войной и не пахло, он, учитывая продовольственную скудность гастрономов, и высокую стоимость лекарств, он вновь обратил внимание на травы, а еще на салаты, то есть на те же травы.

Во всей деревне самым зеленым пятном был огород Александра Ивановича. Он где-то прочитал, что чем больше салата на грядках, тем крепче здоровье хозяина. Бывший коммуналщик хотел быть здоровым. Поэтому салатные насаждения на участке нашего ученого были обширными и от весны до поздней осени поражали односельчан разнообразием и яркостью красок.

Все мужчины очень хотят иметь крепкое здоровье. Но довольно часто такое хотение вырывает у них в преклонном возрасте. В 50—60 лет они вдруг спохватываются: «Ах, где мои шестнадцать лет?», а спохватившись начинают бегать, прыгать, поднимать тяжести. Однако, уже поздно. Ткани, органы, системы сибаритствовали слишком долго. Они обрюзгли, зажирили и теперь работать с полной отдачей не желали. Очень часто такой физкультурный форсаж заканчивался либо крупной травмой, либо острым возмущением кровеносных сосудов и сердца.

Умный Александр Иванович озадачился своевременно. В сорокалетнем возрасте, когда животик превратился в брюшко, а перекладина стала недоступным снарядом, он сказал: «Амба!» и бросил курить, резко сократил потребление спиртного, отказался от масла, жира и сахара. Он приступил к регулярным занятиям в тренажерном зале, стал бегать. Накупил гантелей, гирь, эспандеров. Приятели его, может быть из зависти, а, скорее всего, по темноте своей, подтрунивали над ним, мол, зря стараешься, больше положенного все равно не проживешь. На что что ученый уверенно отвечал:

– Я и не собираюсь жить дольше положенного. Дело не в количестве прожитых лет, а в их качестве.

Усердие и труд сделали нужное дело. В свои пожилые годы Александр Иванович в черных шортах и синей безрукавке очень даже смахивал на футбольного арбитра в отставке. Он был подвижен, подтянут и не жаловался на здоровье. Переехав в деревню, он для дополнительного укрепления своего организма налег на витаминную продукцию, основу которой и составляли выше упомянутые салаты.

Однажды его соседка тетка Дарья не выдержала и, махнув рукой в сторону пламенеющей буйности салата красного полукачанного, спросила: :

– Иваныч, что там у тебя такое красивое растет?

– Это салат, Дарья Авдеевн.

– А, можно его попробовать?

– Будьте любезны.

Александр Иванович сорвал темно-красный лист и подал его тетке Дарье. Та сложила дар вчетверо и отправила его в рот. После тщательного пережевывания салатного листа тетка Дарья погоняла во рту измельченную массу, а затем всё выплюнула и вынесла краткий приговор:

– Трава.

Это означало, что выращивать салат дело бессмысленное, поскольку он ни сладкий, ни кислый и ни горький. То ли дело редька!

Такое отношение было у местных не только к салату, но и к другой огородной зелени, которую начали активно культивировать новоявленные камарцы. Но очень скоро, заразившись примером новоселов, и коренные жители увлеклись разведением петрушки, шпината и разных там брокколей

Впоследствии данное увлечение переросло даже в пижонство: в огородах, помимо пряной зелени, стали выращивать лекарственные растения, а именно, душицу, перечную мяту, аптечную ромашку. Это действительно было пижонством, поскольку к середине лета не только на огородах, но и на приречных откосах в изобилии появлялись пурпурные соцветия душицы. А ароматной мяты на лесных полянах росло так много, что летние туманы, наплывавшие на деревню, были густо пропитаны мятным духом. Ромашка же окаймляла все дороги.

Кроме целебных мяты и душицы на камарских лугах произрастала почти вся «зеленая аптека». Особо ценные её экспонаты прижились на луговине возле Черной речки. Там к Иванову дню расцветали северные орхидеи: ночная фиалка и ятрышники. Повсеместно, эти растения стали редкостью, поскольку их клубеньки очень ценятся определенной категорией мужчин и женщин.

Что же касается валерианы, кровохлебки, донника, зверобоя, калгана и других, полезных для здоровья человека трав, то ими были забиты все сенокосные угодья.

Да, что там угодья! Прямо в деревне у домов и на площади можно было обнаружить массу растений, обладавших целебными свойствами. Например, перед домом, купленным Димой, выделялся своей синеватой окраской лужок, состоявший из стелющейся травы, стебли которой были плотно усыпаны множеством мелких удлинённых листочков. Научное название этой травы – горец птичий или спорыш, а помогает она при очень многих недугах, о чем подробно изложено в справочнике «Лекарственные растения».

Однажды, зайдя в городскую аптеку, Юра Перепрыгов удивился стоимости всего одной пачки сухой травы горца птичьего:

– Это надо же! цена 1 кг. сорняка соответствует стоимости пяти бутылок водки

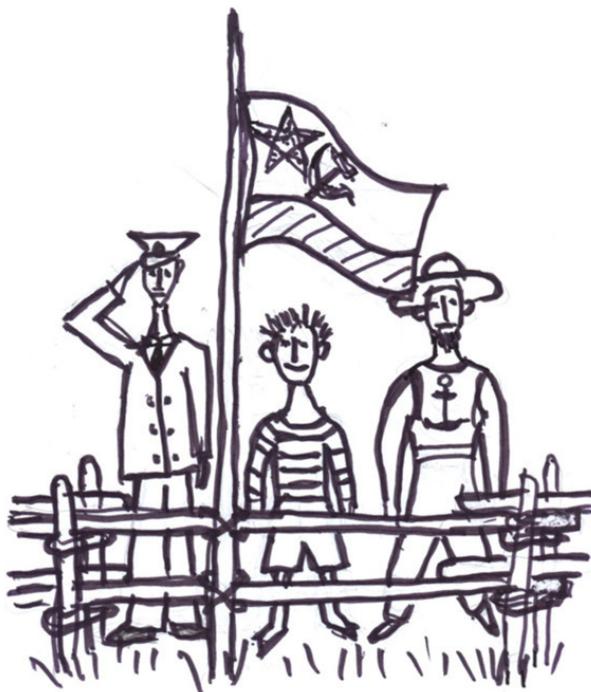
Вот на эту-то ценную травку и опустили Крюковы свои тяжеловесные сумки и рюкзаки, добравшись, наконец, до желанной цели. Дима достал ключ, вставил его в замок, повернул два раза и толкнул дверь.

Перед усталыми, заляпанными грязью горожанами, предстало темное и прохладное пространство деревенских сеней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Единство многонационального советского
народа крепко, как алмаз...»

Л.И.Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, 1979г.

На флаг и гюйс! Смирно!!!

НЕЖИТЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ

Тетка Дарья часто говаривала:

- У нас, поди, в кажиной избе блазнится.
- Иди ты! Неужто в кажиной? – удивлялся недоверчивый слушатель.
- В кажиной, в кажиной! А еще в некоторых байнях анчутки водятся!

Александр Иванович к таким сказаниям относился скептически: ни в приведения, ни в духов он не верил. А, напрасно! Знающим-то людям доподлинно известно, что почти в любом жилище обитает некое потустороннее существо. В городе его кличут барабашкой, а в деревне предупредительно величают то дедушкой, то суседком, а, чаще всего, домовым и, даже, хозяином.

Обычно, покладистый домовый один не домовничает. Еще Даль полагал, что «дедушко» беззлобно терпит в своём хозяйстве приятелей: гуменника, сарайника, конюшенника. «Хозяин» водит дружбу с полевым, а вот лешему и водяному – враг. К нему изредка заглядывают то кикимора, то шишига болотная. Что они имеют от «дедушки», особенно кикимора – эта тощая маломерка на паучьих ножках, – неизвестно, но что-то имеют. А оборотни и упыри обходят домового стороной. По перечню приятелей, с которыми якшается домовый, можно полагать, что он степенный хозяин, а не какой-нибудь там свистун-кровосос.

Иногда «хозяин» имеет подругу – домовуху. Считается, что если в избе раздаются разные таинственные постукивания или начинают самопроизвольно двигаться отдельные предметы, то, значит, домовый с домовухой ссорятся. Но это, скорее всего, враки. Зато точно известно, что «хозяин» шумит и безобразничает тогда, когда он недоволен людьми, населяющими дом, и хочет их выжить. Обычно, чтобы задобрить «хозяина», женщины по праздникам оставляют ему угощение и ласково просят охранять покой и порядок в доме.

При переезде из старого жилища в новое, крестьяне обычно перевозят с собой и домового. Ну, а как же! Оставить «дедушку» это даже хуже, чем бросить собаку или даже кошку. Для транспортировки «хозяина» раньше использовали ношенный лапоть, а теперь годится любая коробка. Чтобы домовый отправился на новое место жительства, произносится проверенное временем приглашение: «Хозяин, хозяин! Садись в сани, да поезжай с нами!».

Поскольку для перевозки домового используют лапоть или коробку, то можно догадаться, что в крестьянском представлении «хозяин» – это маленькое существо, вроде хомячка. На самом же деле, никто точно не знает, каковы размеры «дедушки» и как он выглядит. Понятно, что если есть желание полюбоваться на домового, то его, как старики говорили, можно увидеть во время светлой заутрени, в хлеву, в заднем углу, а не то взять и вызвать его в любое время, используя широко известное заклинание. Только кто будет этим заниматься? Как говорить: не тронь лихо... Можно утверждать, что практически никто домового-то и не видел, а если кому он и показывался, то не полностью и очень расплывчато.

В этом отношении «повезло» Александру Ивановичу. Однажды он увидел домового в полный рост и прямо перед собой. Причем так близко, что при желании до него можно было бы дотянуться рукой.

ПРИЛИЧНЫЙ «ХОЗЯИН»

«Роскошествовал молодой июль», – сказал бы начинающий поэт, озирая камарские дали. Но, то поэт! Александр же Иванович в данном случае не стал много говорить. Он вдохнул полной грудью настоящий на цветах теплый июльский воздух и кратко, по-новомодному, отметил: «Балдеж!». И не преувеличил: все цвело и пахло, от ароматов действительно можно было обалдеть.

Сочное травье лезло изо всех щелей. Оно уже начало глушить огородные культуры. Нужно было бы повоевать с напористыми сорняками, но полуденная жара заставила Александра Ивановича отложить это важное мероприятие на более позднее время.

Вечером Александр Иванович стал пропалывать морковь. Муторное это занятие, да и мошара донимает. Часов в восемь обильно вылетевший гнус все-таки загнал его в избу. Прослушав вечерние радионовости, которые, как всегда в последнее время, были безрадостными, тоскливыми, он выкушал вечернюю порцию простокваши и улегся спать.

Вепсская ночь

(Акварель А. Г. Брыксенкова с фото Ю. Овчинникова)

Диван, на котором он всегда почивал, стоял у стены и был расположен по науке, то есть, параллельно меридиану, что проходил через Камары. По науке же занимал место на диване и сам Александр Иванович. Голова его была обращена к северу, а ноги – к югу. Лежал он на правом боку. Перед диваном, метра в полтора от него, стоял круглый стол. На столе, в стеклянной банке красовался букетик анютиных глазок.

Такой протокольный перечень обстоятельств, при которых произошел контакт человека с представителем параллельного мира, совершенно необходим. Ведь всегда найдутся неверящие Андропы, которые скажут, что весь этот сеанс с домовым Александром Ивановичу просто приснился или померещился. А померещится могло, мол, по чисто материальным причинам. Вполне возможно, что этот заядлый огородник

или перетрудился под солнцем на своем огороде,
или съел на ночь что-либо тяжелое,
или неудобно устроился на своем диване,
или нанюхался дурманных цветов.

Так, вот ничего подобного не было!

Итак, Александр Иванович выпил традиционную кружку простокваши, прилег на диван и смежил веки. После непродолжительных мечтаний и рассуждений «за жизнь» он уснул. Следует сказать, что обычно сон его был крепок. Предстательная железа еще была в порядке, и до утра он не вставал с постели. Никакие скрипы, стуки, громы не смогли бы разбудить его. А тут вдруг среди ночи кто-то легонько ткнулся ему в плечо, и он проснулся.

Он проснулся и открыл глаза. В избе было светло, и Александр Иванович сразу же увидел, что под столом кто-то стоит. В блеклом свете белой ночи было видно, что этот кто-то походил на плотный вертикально поставленный тючок и имел рост около пятидесяти сантиметров. Большая квадратная голова, покрытая темной, курчавой шерстью, сразу же, без шеи, переходила в мохнатое туловище. На лице сквозь завитки шерсти поблескивали маленькие глазки и торчал сухой, крючковатый нос. Рта не было видно, хотя он наверняка существовал. Судить о его размерах было очень затруднительно, и не потому, что рот не имел четкого очертания, а потому, что от носа вниз густо свисали длинные прямые волосы, закрывая нижнюю часть лица. Такими же длинными волосами были покрыты и толстые, короткие ножки.

Когда этот кто-то увидел, что Александр Иванович проснулся, он протянул к нему свою волосатую лапку, в которой был зажат небольшой белый сверток. Наш бывший старший научный сотрудник и кандидат технических наук, быстро проанализировав ситуацию, сразу же смикнул, что его посетил «хозяин». Он вежливо отказался от свертка и на удивление хладнокровно и четко произнес старинную охранительную формулу:

– Хозяин, хозяин, приходи ко мне в гости вчера!

Темная фигура домового стала бледнеть и вскоре совсем истаяла. И только после этого зашевелились на голове у Александра Ивановича остатки волос, а ниже живота все сжалось и похолодело.

С нервно бьющимся сердцем вскочил он с дивана и врубил свет во всех комнатах. Затем включил радиоприемник, который императивно заорал голосом Аллы Пугачевой: «Все могут короли!..». После чего взглянул в окошко и увидел волшебную картину.

Над деревней разливалась лиловая мгла. Огромный лунный диск ширился из-за острых верхушек елок. На его тревожном, оранжевом фоне трепыхались черные силуэты крупных нетопырей.

– Господи, – подумал Александр Иванович, – ну и ночь! В самый раз для нечистой силы!

Вспомнив о господе, он тут же перекрестился, чего не делал уже много, много лет. После этого стал осенять крестным знаменем все углы в избе. Свои действия он сопровождал словами:

– Иван Креститель! Закрой все двери, окна, щели, трубу домовую...

Эту молитву он слышал еще в детстве от старой крестьянки, в военную пору, когда он и его мама, эвакуированные из Ленинграда, жили в уральской деревушке. Многие слова молитвы он позабыл и поэтому допускал отсебятину, а концовку придумал такую:

– А ты, нечисть поганая, брысь отсюда и больше не приходи! Аминь!

Немного успокоившись. Александр Иванович вскипятил воду и заварил смесь душицы, ромашки и мяты. Пока снадобье настаивалось, он опрокинул внутрь знатный рюмец водки.

Ранним утром отправился Александр Иванович по воду. У колодца он встретил Николая Ромашкина и рассказал ему о своем ночном происшествии, пытаясь при этом придать событию комическую окраску.

Однако, Николай к данному вопросу отнесся очень серьезно:

– Надо меры принимать!

После срочной службы на флоте, он несколько лет трудился по милицейской части. С той поры у него остался навык: на любой непорядок реагировать решительно и немедленно.

– Какие меры? Да, и зачем? – вяло отмахнулся Александр Иванович.

– Зачем, зачем, – передразнил Николай, – да, затем!

И продолжил:

– В доме Перепрыговых раньше жила бабка Андрюшиха. И стала она жаловаться бабам, что ночью её кто-то душит. Жаловалась, жаловалась, да и повесилась. Правда, керосинила она здорово. Но все равно: с нечистой силой шутки плохи.

– Так, что же делать, Николай?

– Окольцовывать его нужно, вот что. В круг, значит, брать.

– Как это?

– Погоди, кроликам травы нарежу. Опосля и разберемся.

5.

Домовой

Появился Николай через два часа и принес ржавое чугунное кольцо от печной конфорки. Он сказал, что кольцо правильное, что над кольцом пошептала и поплевалась его жена и что оно готово к употреблению.

Ворожба над железякой, сотворенная Галей, женой Николая, нисколько не удивила Александра Ивановича, поскольку в Гале постоянно ощущалась какая-то чертинка, или, скорее, ведьминка. Ей было уже за сорок пять, а стройности и гибкости ее стана позавидовала бы любая молодайка. Все лето, не боясь мошкары, ходила она в открытом купальнике и загорала к осени до цвета луковой шелухи. С её удлиненного лица прыскали лукавством и озорством широко открытые темные очи.

Она знала массу примет и поверий. Складно гадала на блюде и на картах. Собирала впрок какие-то, ведомые только ей, травы. Ну, и совершенно естественно, что возле ее ног постоянно терся большой черный кот. Галя во всем была очень везучей, особенно ей повезло с Николаем. Она выбрала сильного, работающего мужика, не пьяницу и не бабника. По деревенским понятиям – золото, а не муж!

Николай-то был убежден, что это он выбрал Галю, а не она его. Ну, как же! Появился в сельском клубе этакий моряк-с-печки-бряк. Появился и положил глаз на лучшую девушку. Где уж ей было устоять? Галя Ромашкина была умной женщиной и не мешала мужу пребывать в этом заблуждении.

Николай протянул ржавое кольцо Александру Ивановичу и проинструктировал:

– На, возьми и, не глядя, брось его в подпол или куда в угол. Брось и забудь.

Ученый усмехнулся, но кольцо взял. Он прошел на кухню и забросил заговоренную железку под печку. По поводу такого важного события была откупорена бутылка местной водки. Посидев с полчаса, собутыльники разошлись довольные друг другом.

Прошла неделя, другая. Может быть, кольцо подействовало или молитва достала, но домовый больше не появлялся. Сам же Александр Иванович объяснил этот факт просто: домовый в его доме – доброе и приличное существо.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИЗБА

Среди домовых, кроме добрых и приличных, встречаются иногда и злые создания. Они своими каверзами отравляют жизнь людей и посылают на них разные напасти. В доме, где обосновался злока-домовой не бывает ни мира, ни лада.

Именно такой недобрый «хозяин» обитал в избе, которую купил Дима Крюков. Изба эта была построена еще до войны лесником Ереминым. За полвека Еремины расплодились. Они жили в избе большой, шумной семьей, в которой никогда не было согласия.

Отношения между членами семьи выяснялись бурно, с использованием нецензурных выражений. Крепче и обильнее всех выражался дед Сергей. Вернее, не выражался, а просто говорил на этом жутком языке. Даже в здешних краях, где ненормативная лексика бытовала как разговорная норма, дед Сергей слыл матюжником.

Сценка с натуры. На остановке в рейсовый автобус входит невысокий седенький дедушка. Он вежливо здоровается с пассажирами. Его все знают и дружно приветствуют

– Здорово, дед Сергей!

Старик со всеми раскланивается, потом осматривается и замечает у окошка свою родственницу. Его морщинистое лицо озаряется радостью, глазки теплеют. С ласковой улыбкой он обращается к ней:

– Племянюшка! Блядь ты этакая! Какого кляпа нос не кажешь?

– Все болею, дядя Сережа.

Дед Сергей обращает внимание на большой разрез её юбки:

– А юбку-то на хера размандячила?

– Для фасону.

– Ну, е. твою мать! А я то подумал, когда бзднешь, чтоб быстрее выдувало.

Наверное, никогда русский народ не очистит свой язык от этой дряни. При коммунистах-то еще налагались кой-какие ограничения на нецензурщину. А теперь даже в Думе поливают направо и налево. Раздолье матерщинникам!

Под занавес советской власти, используя разные, бытовавшие тогда льготы, и совершенно смешные цены на стройматериалы, построили Еремины в Шугозере большой дом, в котором разместились «молодые». Дед же Сергей устроился с бабкой по соседству, в бесхозной избе. Когда они переезжали на новое место жительства, то «хозяина» из старого дома, вопреки деревенским порядкам, с собой не взяли. А зачем его брать? Кроме разных пакостей они от него ничего больше не видели. Домовой, видать, сильно обиделся. Как показали дальнейшие события, его и так-то не мягкий характер совсем испортился.

Еремины дали объявление о продаже своей освободившейся избы. Покупателей не нашлось, и они сдали её в аренду охотникам-промысловикам.

Камарские леса и доли изобиловали зверьем и птицей. Прямо из деревни можно было наблюдать, как потрошат совхозное картофельное поле кабанихи со своими полосатыми поросятами. По утрам вдоль кромки леса элегантно рысил лось. Зайцы, спасаясь от лис, врывались в деревню, гулко ударяя лапами в плотную дорогу.

Часто по задворкам шастали одинокие волки в надежде поживиться собачатиной. Когда совхоз засеял овсом поле возле шоссе, то медведи, для сокращения пути к любимому лакомству, перли ночами прямо через Камары. Барсуки, рыси, россомахи и разные там еноты, из-за своей осторожности в деревню не заходили, но камарцы часто их встречали в лесу.

Над деревней пролегали трассы птичьих перелетов. Весной и осенью над Камарами проплывали неисчислимы стаи и косяки уток, гусей, лебедей. Севернее деревни воздушные путешественники приводнялись на широкие речные заводы и многочисленные озерца для отдыха и кормежки. Много было и боровой дичи.

И при таком обилии живности добыча охотников, обосновавшихся в избе Ереминых, обычно была скромной. Удрученные добытчики поражались небывалому невезению. Камарцев же это нисколько не удивляло: какое там везение, если живут охотники в неправильной избе.

В тот дождливый, осенний вечер они вышли из леса промокшие, измотанные и злые. Добыча была пустяковой. Не заходя домой, попросили охотники тетку Дарью отпустить им водки. Та отомкнула окованную железом дверь маленького домика, построенного лет тридцать тому назад силами Потребсоюза.

В домике размещалась продуктовая лавка. Раньше она работала регулярно и имела постоянного продавца. После того как деревня опустела, доход от лавки резко упал, и держать продавца стало невыгодно. Тогда-то и уговорили Дарью Авдеевну быть продавцом, практически на общественных началах. Она не сидела в лавке, а открывала её по необходимости, по просьбе односельчан. Основными продуктами в лавке были водка и дешевое вино, а также макароны, крупа ну и, конечно, хлеб. Тетка Дарья продала охотникам требуемое количество бутылок и заперла лавку.

Ближе к ночи, очевидно от огорчения, хлебанули охотнички немеряно и даже больше. Настолько больше, что у одного из них начались галлюцинации. Ему привиделись немцы, в смысле – фашисты, которые сидят за столом и собираются его, советского партизана, расстрелять.

«Партизан» медленно прошел в угол, где стояли ружья, зарядил свою «тулку» и решительно направил стволы на сидящих за столом добытчиков:

– Руки вверх, гады! Всех перестреляю!

Рядом оказался один из охотников. Он изловчился и снизу ударил ногой по стволам. Ружье дернулось и жажнуло зарядом дробин в стенку так, что щепки полетели. Вмиг протрезвевшая компания навалилась на «партизана». Сначала, его как следует отдубасили, а затем

связали и бросили в чулан. Через два дня охотники насовсем покинули Камары. Говорили, что они подались за Пашозеро.

Изба лесничего снова опустела. Она угрюмо и неприкаянно стояла на краю деревни. Деревенские старухи поговаривали о каких-то стуках, которые иногда раздаются в покинутом доме и боязливо обходили его стороной.

ХОХЛЫ-ЛЕСОРУБЫ

Всю зиму неправильная изба простояла пустой. А весной в ней поселилась бригада лесорубов с Украины. Для погрузки леса и для его транспортировки до железной дороги привезли украинцы с собой тяжелую технику. Кстати, эта-та тяжелая техника и раздолбала до невозможности камарскую дорогу.

Девять хохлов (так называли лесорубов в деревне) поставили в избе девять раскладушек, сложили в общий ларь крупные бруски сала, ссыпали из своих кутулей в один мешок золотистую цибулю и приступили к работе. Рано утром они топали на лесные делянки, где валили сосну и ель.

Белая ночь в Камарах

Неправильная изба

6.

Спиленный лес прямым ходом отправлялся на Украину. Тогда с этим вопросом проблем не возникало. В Беловежье для выпить и закусить еще

не съехались три соловья-разбойника. До их встречи, а значит и до развала Союза, еще оставалось некоторое время. Поэтому братские республики спокойно черпали природные ресурсы России, как свои.

Возвращались лесорубы в деревню вечером часов в семь. К их приходу тетка Дарья заранее отпирала лавку. Ассортимент приобретаемых ими продуктов был не велик: девять буханок хлеба, через раз – ящик портвейна, несколько банок овощных консервов (мясных консервов никогда не было в продаже), да иногда 3—4 бутылки водки.

Прийдя домой, украинские хлопцы разжигали плиту и ставили на неё большой чайник. Пока чайник закипал, они усаживались за стол и под портвейн уплетали сало и цибулю с хлебом, затем приступали к овощным консервам с картошкой или разогретыми на плите макаронами. После чего пили чай и укладывались спать.

Простой и даже суровый образ жизни, который вели лесорубы, импонировал камарцам. Но они немного жалели своих хохлов, полагая,

7.

Руки вверх, гады!!!

что те страдают от отсутствия в их рационе традиционных украинских блюд. Ведь всем известно, что украинцы – большие любители смачно и основательно поесть.

Правда, камарцы знали об этом лишь понаслышке, поскольку на Украине не бывали и тамошних разносолов не едали. А вот Женя Иркутский, неверная жена которого выросла на Запорожье, бывал и едал.

Он аппетитно рассказывал группке мужиков, маявшихся на окраине деревни:

– Приедешь в гости к теще – тебя сразу за стол. А за столом сродственники, да все веселье, да все юмористы. На закуску каждому по селедке. К селедке в огромном блюде крупно нарезанные помидоры, огурцы, лук, перец и разнообразная зелень. Весь этот натюр-морт обильно орошен ароматнейшим маслом, только что доставленным с местного Олийзавода. Тут же сырая икра из синеньких, перчики фаршированные, кабачки, запеченные с крас-

ненькими и залитые яйцами и еще много чего. После закуски, конечно же, борщ. Рассказывать, что это такое – зря тратить время. Его нужно есть!

Ни одна поваренная книга не может передать всех тонкостей приготовления этого блюда. И понятно почему. Так, например, ни в одном рецепте украинского борща не упоминается такой ингредиент как затовчка. Наверное авторы книг о вкусной и здоровой пище даже и не знают, что это такое. А затовчка по-запорожски – это тщательно, с солью растолченные кусочки сала и чеснока, причем сало должно быть старым, пожелтевшим. Кипящий борщ с опущенной в него затовчкой начинает испускать такие плотские эманации, что не отведать его просто невозможно.

За борщом – естественно, вареники. Самые разные: и с мясом, и с творогом, и с вишнями. Да под сметану. А сладкие вареники – под мёд.

Завершается обед фруктовым узваром, к которому хорошо идут булочки с маком, и разные штучки из слоеного теста. После узвара желающие пьют чай или молоко с коврижками и вареньем...

– Поживешь так с недельку, – заключил Женя, – а потом удивляешься: почему это причиндалы из-за стали не видны?

Присутствовавший тут же Юра Перепрыгов слотнул слюну и усилил тезис о неравнодушии украинцев к доброму харчу. Он, как и большинство камарцев, на Украине не бывал. Поэтому его выступление носило чисто аналитический характер:

– Знаешь фольклор народа – знаешь его характер. Именно в образцах народного творчества просматриваются моральные приоритеты нации. На Украине поют много красивых песен. Некоторые из них очень любопытны. Как вам нравится такой песенный сюжетец? Едет хлопец с дивчиной. Они едят с сыром пироги, ну, то есть, с творогом. Нападают на них разбойники. Хлопец их умоляет: «Возьмите дивчину, но оставьте с сыром пироги».. Песня, понятно, шуточная, но всем известно, что любая шутка базируется на фактической основе. Кавказцы, например, подобных песен не поют, хотя поесть и выпить тоже не дураки.

Александр Иванович поддакнул Юре и углубил тему, подчеркнув, что украинцы не могут удержаться от поглощения вкусной пищи даже в тех случаях, когда крайне необходимо быть в форме:

– Довелось мне однажды быть в Киеве. В командировке. Наш институт курировал местный завод, производивший для всего Союза громоздкие, но очень дешевые мусоровозы.

В один из свободных вечеров я отправился в оперный театр. Давали «Орфея и Эвридику» Глюка. Эту оперу мне раньше слышать не приходилось, поэтому я решил ликвидировать данный музыкальный пробел.

Программку я покупать не стал, так как немного помнил миф об Эвридике, а имена певцов, занятых в спектакле, мне ни о чем не говорили.

Отзвучала увертюра, пошел занавес. Из-за кулис выплыла очень тучная, пожилая певица, замотанная в белые ткани. Сначала было непонятно, кого она изображает, так как ария исполнялась на украинском языке. Но по тому, как часто звучало из её уст имя Эвридики, я решил,

что пожилая актриса – это Эвридикина мама. Однако, вскоре выяснилось, что это вовсе не мама, а юный Орфей.

Через некоторое время на сцену под нежные звуки флейты грузно вышла еще более толстая женщина и начала петь. Это была Эвридика. Певицы пели хорошо. Оркестр звучал очень стройно. Музыка была по-немецки добротна. Поэтому я решил не уходить из зала и дослушать оперу до конца. Чтобы не видеть, как жирные и очень пожилые дамы тшятся изображать из себя юных влюбленных, я взял и опустил голову. В середине спектакля шум в зале заставил меня поднять глаза и взглянуть на сцену. От увиденного я весь как-то сжался и застыл в изумлении.

На сцене царил напряженка. Там духи тьмы пытались утешить усопшую Эвридику в тартарары. Духов изображали артисты балета в черных трико. Они, как муравьи, волокущие в муравейник большую гусеницу, облепили со всех сторон тушу певицы. По замыслу режиссера духи должны были вознести Эвридику вверх и на вытянутых руках резво унести её куда надо.

Шум в зале возник от того, что первая попытка подъема Эвридики оказалась неудачной. Из-за кулис на помощь осрамившемуся кордебалету выбежали еще два муравья. Вторая попытка удалась. Духи подняли-таки Эвридику и, пошатываясь, занесли её в освещенную красным светом картонную пещеру. Зал облегченно захлопал. Так обычно рукоплещут в цирке, после удачно выполненного трюка.

А программку-то я зря не приобрел. Оказалось, что либретто оперы принципиально отличается от мифологического сюжета.

Народ посмеялся над повестушкой коммунальщика. Кое-кто еще пытался добавить пару слов по данной теме, но за братьев-украинцев вступился Коля Ромашкин:

– И чего это вы напустились на хохлов? Ну, любят люди поесть. Что здесь плохого? Любят – значит аппетит хороший. А хороший аппетит имеют только здоровые, крепкие, работающие люди. Це ж гарно. Хотя, конечно, менять девку на пироги – явный перебор.

Обговорив гастрономическую тему, мужики замолкли, но не разошлись. Они продолжали топтаться на краю деревни, возле бывшей избы Ереминых. По всему было видно, что люди чего-то ждут.

Ожидание их не обременяло. Теплое лето подзолотило деревню: во всю цвели лютики, одуванчики и еще какие-то густо-желтые цветочки. В воздухе парила истома и благодать. Делать ничего не хотелось, да и дел-то особых не было.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Мужчины продолжали бы и дальше бесцельно маяться, не заметь один из них отделившуюся от леса человеческую фигуру. Они знали, кому принадлежала эта фигура. Утром по своим делам отправился в Шугозеро Василий Глебов (сын утонувшего в камарской дороге Андрея Глебова). Деревенские любители пива поручили ему купить для них некоторое количества этого напитка. И вот теперь он возвращался.

Ожидавшие посланца люди примолкли и не развязывали языков до тех пор, пока в руках у них не появилось по темной бутылки. А затем, потягивая прямо из горлышка горьковатую влагу, повели камарские граждане обстоятельную беседу. Но не о видах на урожай и не о лесных пожарах, дым от которых синеватой пеленой затягивал дали. А пустились они в обсуждение очень насущной для Камар проблемы: имеют ли юридическую силу положения Ништадтского мирного договора, по которому Швеция передала России в 1721 году свои владения в Прибалтике.

В ходе дискуссии выяснилось, что народ не только смутно представлял историческую картину, сложившуюся в Остзейском крае почти триста лет тому назад, но и в недавних-то событиях разбирался слабо. Спасибо политически грамотному Александру Ивановичу, который немного просветил самоуверенных диспутантов:

– Швеция не передала Прибалтику России, а продала. Петр I за Лифляндию и Эстляндию отвалил шведам 20 миллионов ефимков. По тем временам огромные деньги.

– А зачем он покупал, если земля и так была им завоевана? – удивился Николай.

– Чтоб все было чин-чинарём, я думаю. По закону. На веки-вечные.

– На вечные – то веки не получилось.

– Это не вина Петра. Здесь большевички лопухнулись. В 1918 году латыши и эстонцы, никогда не имевшие государственности, объявили себя независимыми от РСФСР, объявили и сразу же поцапались с Красной Армией. Затем они с помощью немцев и беяков вытеснили красных со своих территорий и даже вступили на земли России, а эстонские подразделения дошли в рядах армии Юденича аж до Петрограда.

– Смотри-ка ты! Выходит прибалты в рядах СС, да против России, да на её территории – это не ноу-хау. – заметил Юра.

– Выходит так. В 1920 году совершенно нелегитимное ленинское правительство, – продолжил свою просветительскую лекцию Александр Иванович, – явно незаконно признало независимость новых прибалтийских республик. Оно фактически аннулировало Ништадтский договор, лишившись тем самым прав на Эстонию и Латвию. Ленинцы не только отказались от Прибалтики, но еще и прирезали новым государствам по куску российской земли с городами Печора и Ивангород. Спасибо Сталину: он исправил большевистский ляп...

Обсудив прибалтийскую тему, обратились камарские патриоты к другому волнующему вопросу: «При выходе из Союза возвратит ли Украина России русские восточные области

и Крым?» Возник шумный и продолжительный спор. В этот нервный разговор о судьбе бывших российских территорий, незаконно (по мнению большинства камарцев) «подаренных» Украине, вклинился Иркутский:

– Чудаки! Вы плохо знаете хохлов. Что им в руки попало, то пропало. Они сами с гордостью говорят, что даже такие оборотистые люди, как евреи, в вопросах ловкчества и близко с украинцами не стоят. Поверьте мне, Украина вцепилась в Крым, как вошь в кожу, и хрен она что-либо вернет. Милостей от неё не дождешься.

– Еще товарищ Мичурин говаривал, что милостей не нужно жадать, их нужно брать, – возразил Глебов.

– И как же, Васенька, ты возьмешь Крым? – поинтересовался Женя.

Глебов немного помолчал, а затем начал варьировать:

– Можно запустить на полуостров наших вояк, или замутить небольшую революшку, или организовать референдум, или еще что-нибудь. Вариантов много... Было бы желание...

Еще год назад любой человек, услышав азартные камарское разговорчики на национальные темы, премного бы удивился: «Что этим деревенским нужно от Латвии, от Украины?».

Нынешним же летом, когда активно задымил заложенный большевиками в основание СССР взрывчатый заряд замедленного действия, подобные разговорчики не возникнуть просто не могли. Этим взрывчатым зарядом являлся комплекс актов, которые зиждились на ленинском постулате о праве наций на самоопределение. Пришло время, и самонадеянные нации начали резво самоопределяться. Да! Видать зря не согласился товарищ Ленин с обоснованным предложением Народного комиссара по делам национальностей, который настаивал на включении национальных окраин в состав РСФСР как автономий, без права выхода из федерации.

В конце восьмидесятых духом самоопределения был пропитан воздух степей, гор, лесов. Все видели, что великая социалистическая империя, составленная из большевистского изобретения – союзных республик, опасно расшатывается, что братские народы намереваются борзо разбежаться по национальным закуткам. А тут еще загоношились, поощряемые российским Президентом, российские же автономии, эти искусственно созданные большевиками, якобы национальные государства, которые нацелились пообъявлять себя республиками и потребовать независимости. Запахло развалом уже и России.

Вот обо всём этом и рассуждали камарские патриоты, попивая пивко и лениво отмахиваясь от мошкеры. Первую скрипку в здешнем политическом ансамбле играл Александр Иванович. Это было закономерно. Ведь не случайно же его портрет, в свое время, гордо красовался среди других одиннадцати портретов лучших пропагандистов района на Доске почета в Невском райкоме КПСС.

ФЛОТСКИЙ МОТИВ

Черная полоса в жизни украинских лесорубов началась с середины лета. В последнее воскресенье июля у них утонул в болоте трелевочный трактор. День, когда это произошло, запал камарцам в память вот почему.

В то утро каждый житель Камар, обыденно обозревая окрестности, наткнулся взглядом на непривычный для деревни объект. Над крайним от леса домом на длинном флагштоке трепетал в небе какой-то бело-синий флаг. Это для всех флаг был «какой-то», а Николай Ромашкин сразу же различил, что над Камарами развевается военно-морской флаг Советского Союза. И тут же вспомнил, что сегодня последнее воскресенье июля, что сегодня праздник. День Военно-морского флота.

В доме, над которым бился флаг, проживал отставной флотский офицер Алексей Георгиевич Барсуков. Неизменно вежливый, предупредительный он жил несколько обособленно, ни с кем не вступая в заметно близкие отношения. По имени отчеству обращались к нему лишь Ромашкины. Деревенские старухи звали его Ляксеем, молодежь – дядей Лешей, а остальные граждане величали Барсукова просто Георгием.

На протяжении всей своей службы носил Барсуков морскую форму и имел при увольнении в запас флотское воинское звание капитана второго ранга. Тем не менее, настоящим моряком он не был.

Его воспитывали-то, учили и готовили к корабельной службе, но офицерскую лямку он тянул не на корабле, а на берегу, в недрах Технического управления флота. Правда, попал он в Техупр не сразу.

После окончания Военно-морского училища инженер-лейтенант Барсуков был направлен на Черноморский флот, где его определили на новый сторожевик из серии «зверьков».

В начале пятидесятых годов эти сторожевые корабли (проект 50) стали обильно появляться на всех флотах. Моряки их сразу же полюбили за красивый, стремительный силуэт, за мощное вооружение и за хорошие мореходные качества. Посудины действительно получились очень удачными. Они честно отпахали по 35—38 лет и пошли на разделку только в самом конце восьмидесятых. Поскольку при крещении этим красавцам давали названия хищных зверей: «Волк», «Пантера», «Рысь» и т.п., то и стали их всех называть «зверьками».

Сторожевиков этого типа выпускалось все больше и больше (всего было построено 68 единиц), и вскоре список хищников иссяк. Тогда перешли на пернатых и начали присваивать «зверькам» имена хищных птиц. Но и этот перечень оказался исчерпанным. Когда после «Сарыча» остались одни невыразительные кобчики и сизоворонки, комиссия крепко задумалась над тем, как назвать очередной сторожевик. Думали, думали, да и назвали его «Вороном». Именно на этом сторожевом корабле и начал свою службу молодой Барсуков.

Многие корабли на флоте имеют прозвища. Так, например, линкор «Парижская коммуна» в обиходе назывался «Парижанкой», крейсер «Александр Невский» – просто «Сашей», эсминец «Безотказный» – «Эскадренной проституткой», а к подводной лодке К-19 плотно прилипла зловещая кличка «Хиросима».

Получил прозвище и «Ворон». Все от низов до мостика стали кликать его «Вороной».

Матросы на соседних кораблях:

– Полундра! «Ворона» швартуется!

Командир бригады в боевой рубке:

– Что такое? Опять «Ворона» лодку проворонила!

Бывалые моряки знают, что имя корабля каким-то образом влияет на его судьбу. Очень нежелательно называть корабль именем монарха или правителя государства, например, «Император Александр Ш», «Яков Свердлов», а также давать кораблю языческое имя, такое как «Диана», «Русалка» или присваивать длинное, неуклюжее название типа «Советский Туркменистан», «Комсомолец Украины». С кораблем, поименованным таким образом, как правило, случаются разные неприятности.

Видать и имя «Ворон» было нехорошим именем. Иначе чем объяснить постоянные инциденты, которые приключались с кораблем? То он при швартовке врежется в корму соседа, то в тихую погоду сядет на камни в своей же бухте. Если на учениях утопили торпеду – это торпеда с «Ворона». А однажды при подготовке к походу минеры по ошибке замкнули боевую цепь правой многоствольной реактивной установки. Установка взревела!

Цепь мгновенно разомкнули, но три реактивные, глубинные бомбы успели сойти с направляющих. Перелетев через Стрелецкую бухту, они рухнули на береговые складские помещения. Взрывов не последовало, но несколько человек все же слегка пострадали.

Однако, самый громкий скандал произошел на «Вороне» в начале шестидесятых. Был субботний день и все шло своим чередом, по распорядку дня. На корабле завершалась большая приборка. В предвкушении сытного обеда матросы были в хорошем настроении и споро убирали на штатные места швабры, обрезы и прочий приборочный инвентарь. Бачковые уже гремели посудой, готовясь по команде: «Бачковым накрыть столы!» мчаться на камбуз за пищей. Но неожиданно прозвучал сигнал большого сбора. Экипаж корабля живо построился на юте. Перед шеренгами моряков появился старший помощник командира корабля.

Ни на одном корабле старпом не вызывает симпатий у личного состава. Такая уж у него должность. Он отвечает за боеготовность и живучесть корабля, за дисциплину и выучку всего экипажа, за порядок и чистоту на верхней палубе и в низах. При выполнении своих обязанностей старпом вынужден указывать, приказывать, заставлять, наказывать.

Так поступал и старпом «Ворона», но команде казалось, что делал он это слишком часто и грубо, облекая свои выступления в очень ехидные формы. Его боялись и не уважали.

Старпом прошел на середину юта, к кормовому шпилю, и начал резко и громко бросать злые фразы:

– Обед вы не заслужили! Корабль прибран плохо! Большая приборка продлевается еще на один час!

Он подождал, пока недовольно шевельнувшиеся шеренги замерли вновь, и раскатисто завершил:

– Продолжить большую приборку! Р-р-разойдись!

Через час приборочные работы на «Вороне» все-таки закончились, и прозвучал сигнал: «Команде обедать!». Сигнал-то прозвучал, но к камбузу ни за первым, ни за вторым никто не подошел. Удивленный старший кок остановил пробежавшего мимо камбуза матроса:

– Что случилось? Где бачковые?

– А их и не будет, – ответил матрос.

– Почему?

– Годки решили отказаться от пищи.

– Зачем?

– В знак протеста!

Старший кок немедленно доложил о тревожной ситуации дежурному офицеру. Тот, в свою очередь, – старпому.

В полной мере оценив надвигающуюся опасность, старпом собрал бачковых и приказал получить обед. Бачковые выполнили приказ. Но за столы, на которых дымился разлитый в миски борщ и лежали ломти ржаного хлеба, никто не сел.

Запахло крупным ЧП. И даже не ЧП, а бунтом. Последний случай отказа команды от пищи был зафиксирован на Черноморском флоте в 1905 году на броненосце «Князь Потемкин Таврический». И вот теперь «Ворон, значит, Таврический»!

Командир корабля, узнав о случившемся, принял экстренные меры. Он всех офицеров послал в кубрики и сам спустился в низы с тем, чтобы убедить, уговорить, заставить матросов прекратить опасную демонстрацию. И, наверное, матросы уступили бы просьбе командира, и инцидент был бы исчерпан. Но все испортила болтливость сигнальщиков.

Флагманский сигнальщик после обеда и веселой беседы в кают-компании крейсера «Ворошилов» вышел на верхнюю палубу. Привычно окинув взглядом рейд, он обратил внимание на оживленный разговор между «Ворошиловым» и «Вороном», который стоял у Минной стенки.

Очевидно, сигнальщик с крейсера только что запросил своего приятеля о событиях на «Вороне». На что со сторожевика отсемафорили:

– У нас гороховый бунт!

– Не понял! – замелькали флажки на сигнальном мостике крейсера.

– Команда отказалась от пищи, – пояснил «Ворон».

Как только флагманский специалист, прочитав семафор, доложил его содержание адмиралу, судьба экипажа сторожевого корабля «Ворон» была решена. Досталось всем! Старпома отправили в отставку по пункту «г», то есть без льгот и пенсии. С командира и замполита сняли по одной звездочке, и направили горемык с понижением на другие корабли. Старшин и матросов рассовали по одному на отдаленные точки, разбросанные по всему побережью Черного моря. Офицеры корабля получили назначения на непристижные должности, как на вспомогательных кораблях, так и на берегу.

Попал на берег и инженер-лейтенант Барсуков.

Такое изменение жизненного курса должно было бы порадовать молодого офицера. На берегу служба на много легче и спокойнее, чем на железе. А самое главное – сухопутный моряк ежевечерне и по выходным дням радуется своим присутствием домочадцев.

Корабельный же офицер лишен такой возможности. Даже если корабль не в море, а стоит у стенки, то он может быть дежурным кораблем или же входить в состав боевого ядра. В этом случае весь личный состав должен быть на борту. Да и в ситуации, когда корабль нигде не занят, на берег разрешается сойти лишь половине офицерского состава.

И тем не менее береговая упорядоченная жизнь Барсукова не радовала. На корабле служить было куда интереснее.

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Известно, чем меньше моряк ходит в море, тем больше он его любит, тем больше кичится своей якобы просоленностью. А береговые моряки, те вообще снобы. Они всю подражают плавсоставу и очень стремятся походить на бывалых мореманов.

Вот и Барсуков в Камарах. Только снобизмом можно объяснить тот факт, что он взял и сшил вместе широкую белую и узкую голубую полосы из фланели и на белой полосе красной несмываемой тушью изобразил пятиконечную звезду и серп с молотом. Получился военно-морской флаг СССР.

В субботу, накануне морского праздника, произвел Барсуков, как и положено на флоте, большую приборку. После чего сварил флотский борщ (отличается от обычного тем, что во флотский кладут копчености), приготовил макароны по-флотски и крепкий компот.

В воскресенье в 9 часов утра, в соответствии с Морским уставом, он совершил праздничный подъем изготовленного им военно-морского флага. В 10 часов, как старший на рейде, посетил старшину первой статьи запаса Николая Ромашкина и бывшего старшего матроса Василия Глебова. Поздравив ветерпнов-моряков с днем Военно-морского флота, он пригласил их к себе к 12 часам на праздничный обед.

Где матросы, там и травля! Камарские морячки не были исключением. Как только выпили по стопке, так и пошли травить флотские байки. Сухо-путный народ считает, что морская травля – это веселое враньё. На самом же деле, в основе любой морячкой побасенки лежит реальный случай. По морской традиции первым выступил младший по званию, то есть Глебов. Он поведал о своем вкладе в обеспечении безопасности кораблевождения.

Эсминец готовился к походу. На него грузили продовольствие. Молодой матросик с тяжелым мешком на плечах потерял равновесие на трапе. Чтобы не упасть в студеную воду, он сбросил мешок с сахарным песком в море. Для составления акта о списании утонувшего сахара нужно было достать мешок. На подъем мешка послали под корму корабля Василия, облаченного в легководолазный костюм.

Мешок он поднял. При этом был очень удивлен. Но не тем, что мешок был пуст, а тем, что киль эсминца почти касался дна, состоявшего из

Сторожевой корабль. Проект 50

День военно-морского флота

8.

винных бутылок. Это сколько же нужно было выпить, а затем утопить бутылок, чтобы так высоко поднять уровень дна?! Хотя следует иметь в виду, что корабли к этому старому балтийскому пирсу швартовались ещё с петровских времен.

Командир соединения, узнав о таком казусе, запретил кораблям с большой осадкой подходить к опасному пирсу. При этом он сказал:

– Добрые люди сажают корабли на бары да банки, а мы чуть на бутылки не сели.

Эстафету подхватил Ромашкин. Он вспомнил, как однажды отметили день Военно-морского флота на плавбазе «Печора». За несколько дней до праздника корабль поставили на профилактику в уединенную губу. Кругом сопки, на фоне которых попыхивал дымком небольшой рыбокопильный завод.

Моряки сразу же наладили смычку с заводом. Они заводу рабсилу и краску, завод им рыбные деликатесы. Смычка развивалась так успешно, что на день Военно-морского флота пригласили моряки заводских разделочниц и копильщиц в гости на «Печору». Сначала был концерт, затем обед, а после обеда танцы. Танцы закончились быстро, поскольку гости как-то незаметно растворились в многочисленных помещениях корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.